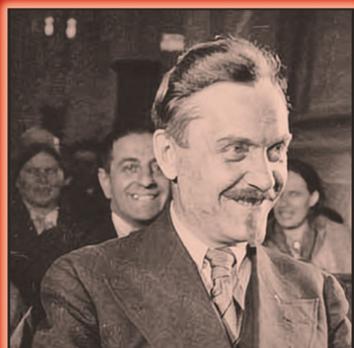
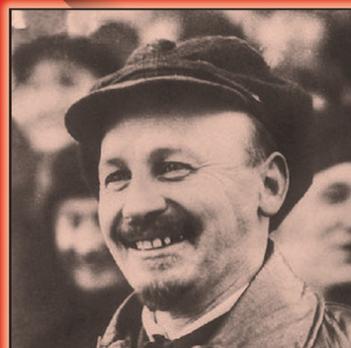

А. АВТОРХАНОВ

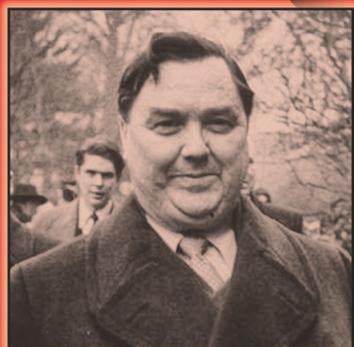
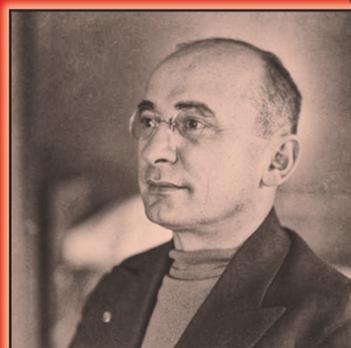
ТЕХНОЛОГИЯ

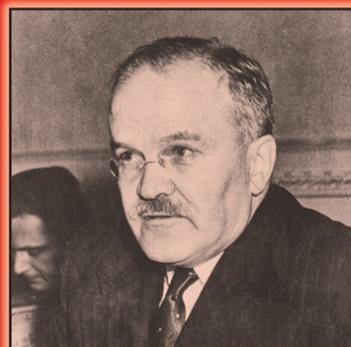
В
П

А
С

Т
И

Абдурахман Авторханов

Технология власти

«Русский шахматный дом»

2019

УДК 94(47+57)(092)
ББК 63.3(2)6-8

Авторханов А. Г.

Технология власти / А. Г. Авторханов — «Русский шахматный дом», 2019

ISBN 978-5-94693-747-4

Автор — выдающийся писатель, историк, доктор политических наук. Окончив Институт красной профессуры, работал в ЦК ВКП(б), был в центре политической жизни СССР 30-х годов. «Технология власти» — одна из наиболее известных и популярных в мире книг о функционировании советской машины власти. «Для меня Абдурахман Авторханов стал великим учителем, как надо писать книги», — Виктор Суворов.

УДК 94(47+57)(092)

ББК 63.3(2)6-8

ISBN 978-5-94693-747-4

© Авторханов А. Г., 2019
© Русский шахматный дом, 2019

Содержание

Предисловие к изданию 1976 года	5
I. Как была задумана эта книга	5
II. «Технология власти» под судом лжедиссидентов	10
III. «Технология власти» под судом кагебистов	18
Часть первая	25
I. Начало конца	25
II. «Теоретический штаб» ЦК ВКП(б)	33
III. Кадры правых	36
IV. Сибирский план Сталина	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Авторханов Абдурахман

Технология власти

Предисловие к изданию 1976 года

I. Как была задумана эта книга

У моей «Технологии власти» оказалась необыкновенная судьба: изданную на Западе для эмиграции, в СССР ее распространяет Самиздат в фотопленках, фотокопиях, рукописях. Кагэбисты ею тычут в глаза инакомыслящим, прокуроры ее таскают, как «свидетельницу», по залам судебных заседаний Москвы, Ленинграда, Киева и других городов, а судьи за одно ее чтение приговаривают советских граждан к предельным срокам заключения. Из-за нее же великорусские империалисты с партбилетами мне сочинили новую, совершенно фальсифицированную биографию, намеренно подчеркивая, что я чеченец, чтобы напомнить, что Сталин правильно поступил, совершив геноцид над этим маленьким, но свободолюбивым народом Кавказа. Вот этот полицейский ажиотаж незадачливых мракобесов, напоминающий танец людоедов вокруг их жертвы на костре, собственно, и сделал книгу известной. Но если люди, рискуя даже тюрьмой, читают ее и дальше, а дикари из КГБ по-«брежневу» продолжают неистовствовать, значит есть в моей книге что-то такое, чего нет в советских книгах на данную тему: *информация* о путях и методах рождения сталинщины. Поэтому Самиздат продолжает распространять «Технологию власти», а радиостанция «Свобода» за последние три года трижды передала ее полный текст на СССР.

Готовившееся второе издание на Западе, на которое уже была израсходована значительная сумма, стала жертвой «детанта» – его запретили (рука КГБ не очень сильная, но очень длинная). Сейчас это запрещение снято. Еще во время действия запрета издательство «Посев» обратилось ко мне со следующим сообщением: «Из России идут категорические требования переиздать «Технологию власти». Это считается настолько важным, что мы твердо решили, несмотря ни на что, ее переиздать...»

Но самым странным в судьбе «Технологии власти» мне показалось другое: фарисействующие чистоплюи от идеологии, подписывая одной рукой судебные приговоры о наказании рядовых советских граждан за чтение ее подпольных изданий, подписывают другой рукой приказ об издании на деньги советского народа «Технологии власти» в государственном издательстве. Так вышло ее специальное закрытое бесплатное издание для партийной элиты в московском издательстве «Мысль». Этот частный пример блестяще иллюстрирует общий духовный закон страны: что можно партийной верхушке, то нельзя народу! Народ – дитя, партия – нянька. Детям не положено читать литературу для взрослых, но ее могут и даже хотят читать их взрослые партийные няньки. И это в нашу эпоху – в эпоху атома, электроники, ракет и космоса, когда люди в поисках информации побывали на Луне, для той же цели все увеличивающееся число спутников рыщет по Вселенной, а мы, благодаря им, сидя у себя в гостиной, в эти же самые секунды живо переживаем у наших телевизоров мировую историю на всех пяти континентах – присутствуем, как зрители, на заседаниях парламентов, конгрессах культуры, демонстрациях народа, на состязаниях спортсменов. Вот в такую эпоху для советского человека табу информация из его собственной истории – ему не положено знать, как 50 лет тому назад Сталин начал восхождение к уникальной тирании. Полувековая история страны объявляется государственной тайной, а интерес к ней – государственным преступлением. Партия, которая не верит в гражданскую зрелость и политическую лояльность народа великой страны, –

есть партия обреченных. Партия, которой надо что-то скрывать от народа, есть партия заговорщиков. Партия, которая боится *правды*, есть партия лжецов и трусов одновременно. Вели владыки Кремля не считают свою партию таковой, то они могут легко это доказать: дать стране, наконец *Конституцию* с обеспеченными гражданскими правами, гарантированными свободами слова, печати, совести и признанием права нерусских народов решать свою судьбу по своему... Я обещал в предисловии к первому изданию не реагировать на казенную критику диктатуры. Свое обещание я сдержал хотя бы по той простой причине, что казенная печать не осмелилась подвергнуть критике хотя бы один тезис книги, зато занялась критикой ее автора, как личности. Это вынуждает меня высказаться более подробно о методах, формах и целях «критического творчества» чернильных кули из КГБ. Сначала немножко об истории возникновения «Технологии власти». Эта книга была написана не на задуманную тему. Вот как это случилось.

Неожиданный успех моей первой книги о правлении Сталина («*Staline au pouvoir*», Paris, 1951), сразу же переведенной на другие иностранные языки, вдохновил меня на продолжение взятой темы. Я начал писать новую книгу о становлении сталинского режима, но уже в мемуарном плане, исходя из двух пунктов наблюдения: Москвы и Кавказа.

Едва кончил я одну треть новой книги, как в то историческое утро 6 марта 1953 года диктор немецкого радио с холодным равнодушием, будто речь идет о каком-нибудь обычном смертном, известил своих слушателей: «В Москве умер генералиссимус Сталин».

Странное дело, меня это сообщение тоже не «потрясло», ибо я почему-то считал, что Сталину назначена смерть с того дня, как объявили о его болезни. В тот же день я написал некролог в журнале «Свободный Кавказ», который я тогда издавал. Вопреки завету древних римлян я о покойнике говорил только плохое. Поэтому некролог вышел очень желчный: «Сталин, наконец, умер. Перестало биться волчье сердце и работать дьявольский ум. Ушёл человек, в котором не было ничего человеческого – ни души, ни любви, ни жалости. Холодная жестокость профессионального палача и звериный инстинкт самосохранения роднили его больше со звериным племенем, чем с родом человеческим.

Ушел человек, который обессмертил свое имя миллионами смертей самых человечных из людей в чекистских подвалах, сибирских тайгах, колымских рудниках, среднеазиатских песках и кавказских горах.

Ушел человек, который создал, укрепил и расширил беспрецедентную систему государственного рабства и черного мракобесия.

Ушел человек, который вырастил по своему образу и подобию целый легион народных палачей, жадно ухватившихся за осиротелый трон.

Ушел человек, который создал и вырастил первоклассную армию международных мастеров восстаний, революций и войн, готовых ввергнуть человечество в новую катастрофу за идеи системы усопшего полубога.

Ушел человек, который на протяжении тридцати лет безнаказанно плавал в море крови наших отцов и братьев, в реках слез наших матерей и сестер.

Ушел самый проклятый из всех проклятых людей, которые когда-либо шагали по этой земле...

Осиновый кол в его могилу!

Вечное проклятие его памяти!!

Истребительная война его наследству!!! Таков приговор наших народов. Таков он будет и у будущих поколений». (Журнал «Свободный Кавказ», № 3 (18), март 1953 г.)

Вот так «попрошавшись» со Сталиным, я бросил писать книгу о мертвом тиране, которая теперь никому не нужна.

Через три года, когда я прочел доклад Хрущева на XX съезде о преступлениях Сталина, в котором незадачливый первый секретарь противопоставлял Сталина Ленину, а сталинщину

– советской системе властвования, я понял, что напрасно я бросил писать новую книгу, тем более, что умер Сталин, а не сталинская система. Мне было ясно, что осуждая Сталина за инквизицию, все же нельзя было ни противопоставлять его Ленину (сегодня это уже поняли и в Кремле), ни умалять его феноменальные достижения как «технолога власти». Я решил «реабилитировать» Сталина. Урывками, в свободное от службы время, я писал эту книгу с мая 1956 по май 1957 года. При этом я отказался от первоначального чисто мемуарного плана, хотя сохранил первую мемуарную часть, чтобы показать атмосферу времени. Так родились мемуарно-исторические очерки «Технологии власти». Я по опыту знал, что книга дойдет до партийной элиты, но я никогда не думал, что она дойдет и до честных советских граждан. Поэтому приятнейшим сюрпризом для автора явился тот факт, что «Технология власти» нашла через Самиздат дорогу и к советскому читателю. Это обстоятельство не могло не озадачить партийных идеологов. Как реагировать на книгу? Объявить книгу «клеветой на т. Сталина» после XX и XXII съездов было невозможно. Тогда пришлось бы объявить и эти съезды «клеветническими». Изобретательные жандармы от литературы нашли выход: дискредитировать книгу в подполье устами лжедиссидентов, дискредитировать автора в советской печати, сочинив ему новую «биографию»: автор – «враг народа» тридцатых годов, «фашист» и «каратель» сороковых годов, шовинист и русофоб семидесятых годов... Первую попытку сочинить мне такую биографию предприняла газета «Советская Россия» в самом разгаре судебных процессов над диссидентами.

Советская печать – единственная печать в цивилизованном мире, которая пользуется монопольным правом безнаказанности за любую клевету, за очевидную ложь, за беспардонную фальсификацию. Более того. СССР – единственная страна, где фабрикация лжи и фальшивок в пропаганде не только дозволена, но и возведена в степень государственной доктрины.

Исключительно бесцеремонно советская печать поступает, когда речь идет о политической эмиграции из СССР. Тут советские фабриканты клеветы прямо-таки лезут в виртуозы.

На Западе человек, прежде чем собраться в поход против своего противника, должен тщательно взвесить свои обвинения и быть готовым подкрепить их документально, иначе за ложные обвинения он должен будет отвечать перед судом. Ничто это не грозит советскому клеветнику. Его клевета поставлена под защиту советского закона.

На XX и XXII съездах партии приводились ужасающие примеры государственно организованной, массовой клеветы на советских людей со стороны органов НКВД и его бесчисленной армии сексотов. Но заметьте: ни одного судебного процесса даже тогда, в хрущевское время, над клеветниками в СССР не было. Почему? Да очень просто: клевета была и остается непременным и постоянным оружием борьбы режима со своими подлинными или потенциальными противниками. Сказанное здесь я хочу проиллюстрировать на своем собственном примере.

13 июня 1970 года газета «Советская Россия» напечатала явно инспирированную ЦК КПСС статью секретаря Чечено-Ингушского обкома КПСС (замечу в скобках, что за все время советской власти первым секретарем Чечено-Ингушского обкома никогда не был чеченец или ингуш).

Я не буду останавливаться на стиле автора. Хотя автор к своему официальному партийному чину присовокупляет еще и ученую степень – «кандидат исторических наук», но весь его ученый лексикон состоит из сплошной ругани. Это обычный прием советской публицистики, когда нет ни фактов, ни аргументов против противника.

Обратимся к существу дела.

Газета пишет: «В потоке передач на Северный Кавказ день за днем мюнхенская радиостанция «Свобода» клеветает на советскую действительность, подло извращает национальную политику КПСС. Клеветники лезут из кожи вон, пытаясь посеять вражду между народами нашей страны. Они твердят о «советском колониализме», стремятся разжечь националистические чувства лживыми версиями «денационализации» и насильственной «русификации»...

Советская Чечено-Ингушетия является объектом особенно оголтелой радиодиверсии... Кто же распространяет радиоклевету? У микрофона радиостанции «Свобода» регулярно выступает «профессор» Авторханов».

Вот это и есть целеустремленная ложь. Никогда за все время существования Северокавказской редакции радиостанции «Свобода» ни на русском, ни на кавказских языках я там не выступал. Так в чем же дело? Неужели резиденты КГБ на Западе и их вездесущие сексоты не знают об этом? Я слишком хорошо представляю себе масштабы возможностей КГБ, чтобы поверить в его «невежество». Значит причину фабрикации этой лжи надо искать в другом, что я и сделаю потом, а пока же продолжу цитирование: «Советская Россия» пишет, что Авторханов – «тот самый Авторханов из Грозного, который в 30-е годы был судим за контрреволюционную деятельность. Позже он клялся, что «осознал» свои ошибки. Ему поверили. Но когда грянула Отечественная война, Авторханов примкнул к фашистам, стал карателем».

Прежде всего бросается в глаза весьма обтекаемая формула: был судим за контрреволюцию «в 30-е годы». Почему же не быть точным? А вот почему: если назвать точные даты, то читатель сразу увидит, что я был жертвой не собственной «контрреволюционной деятельности», а массовой сталинской инквизиции в период ежовщины-бериевщины – я сидел в НКВД с 1937 по 1942 год. Меня судили дважды – оба раза даже чекистский суд вынужден был оправдать меня, ибо в моем деле не было ничего, кроме клеветнических показаний на меня, взятых под пытками. На суде все свидетели против меня заявили, что они подписали сочиненную следователями НКВД клевету не только на меня, но и на самих себя под тяжестью невыносимых физических пыток – одним ломали ребра, другим выбивали зубы, третьим вводили иглы под ногти, четвертым пускали электрический ток по наиболее чувствительным местам тела, даже был и такой (председатель Шаро-Чеберловского райисполкома. У.), которого следователь в своем кабинете при «ассистентах»-сержантах самолично кастрировал, а мучить арестованных лишением сна целыми неделями считалось наиболее гуманным методом допроса. Если каждый отдельно взятый метод допроса не помогал, то арестованного пропускали через «конвейер», т. е. через всю систему «методов». Через эту систему «методов» прошел и я сам.

Если при таких допросах я все же умудрился не быть «посмертно реабилитированным», то только потому, что предпочел лучше умереть от пыток на «конвейере», чем подписать ложь на себя и на других. «Советская Россия» говорит мне лишь комплимент, когда утверждает, что в то жуткое время я занимался «контрреволюционной деятельностью», то есть антисталинской деятельностью. Но это такая же ложь, как и другое ее утверждение, а именно: мне простили контрреволюцию из-за того, что я «осознал свои ошибки». Это утверждение безграмотно даже с точки зрения советского уголовного права: ведь контрреволюция, согласно этому праву, не «ошибка», а государственное преступление. За нее давали не свободу, а «вышку». Я никак не мог быть исключением. Я был оправдан приговором Верховного суда РСФСР в 1942 году по двум причинам – из-за отсутствия в моем деле моего личного «признания» и из-за недоказанности самой «контрреволюции». Правда, выпуская меня на волю, НКВД думал, что он использует меня как провокатора против чеченского народа; поэтому в обкоме партии мне торжественно сообщили, что я даже не исключался из партии за все эти пять лет моего сидения. Однако я принял решение порвать с режимом тирании. Вот с этих пор я действительно занимаюсь «контрреволюцией», если контрреволюцией называется борьба против существующей ныне в СССР сталинской системы властвования.

Я хочу привести теперь одно поразительное место из разбираемой статьи, которое представляет собой классический образец того, как вообще происходит советская фабрикация фальшивок. Каждый знает, что Гитлер и Сталин, как инквизиторы, были не антиподы, а близнецы. Чтобы доказывать эту истину, совершенно нет необходимости заниматься фабрикацией фальшивых документов против Сталина и Гитлера. Практика инквизиции Гитлера так же, как и практика инквизиции Сталина, сама говорит за себя. Но вот «Советская Россия» на глазах

всего мира пускает в оборот «директиву» вермахта об уничтожении всего чечено-ингушского народа. Газета пишет, что 8 декабря 1941 года вермахт издал директиву, в которой сказано: «Когда Грозный, Малгобек и другие районы будут в наших руках, мы можем ввести в горы необходимые гарнизоны и, когда в горах наступит относительное спокойствие, *всех горцев уничтожить*. Горского населения в Чечено-Ингушетии не так уж много, и десяток наших зондеркоманд может за короткое время *уничтожить все мужское население*». Однако такого «документа» в природе не существует. Эта безграмотная фальшивка сочинена не в вермахте, а в идеологической лаборатории ЦК КПСС. Каждый, кто имеет хотя бы самые элементарные сведения о структуре власти Гитлера, знает, что подобные «директивы», если бы они и существовали, не могли бы исходить от вермахта, а только от правительства и его особых органов и проводиться не через армию, а через специальные формирования (гестапо, СС). Это во-первых, а во-вторых, термин «уничтожить» гитлеровцы никогда не употребляли даже в отношении евреев в их секретной внутриведомственной переписке, предпочитая говорить шифрованным термином – «окончательное решение еврейского вопроса» (Endlosung). В-третьих, почему в одном и том же «документе», более того, в одном и том же предложении не сведены концы с концами: один раз сказано «уничтожить всех горцев», а другой раз – «уничтожить все мужское население»? В-четвертых, почему же это Гитлер решил, находясь под Москвой и еще не дав приказа о наступлении на Кавказ, уничтожить только один чечено-ингушский народ, тогда как на Кавказе имеются десятки других таких же кавказских народов? Может быть, только потому, что как раз чечено-ингушский народ вел в горах на протяжении четверти века перманентную партизанскую войну против Сталина?

После всего сказанного встает вопрос: почему же советская пропаганда сочинила эту грубую, примитивную фальшивку – «директиву» вермахта об «уничтожении» всех чеченцев и ингушей. Мораль фальшивки ясна: знайте, мол, чеченцы и ингуши, Сталин и советская власть вас только депортировали в Сибирь, а вот если бы пришли Гитлер и немецкая власть вместе с Авторхановым, то вы были бы поголовно уничтожены. Такой логике не хватает последовательности. Чтобы быть последовательной, «Советская Россия» должна была бы вложить в уста секретаря Чечено-Ингушского обкома партии лозунг: «Спасибо т. Сталину за спасательную от Гитлера депортацию в тундры Сибири и пески Туркестана чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев, калмыков, крымских татар и немцев Поволжья»!

II. «Технология власти» под судом лжедиссидентов

Скоро выяснилось, что газета «Советская Россия» разносит меня за несодеянные «преступления», чтобы заклеить за действительное – за «Технологию власти».

По неведомым автору путям книга, написанная более пятнадцати лет назад, попала в страну как раз ко времени возникновения Самиздата, через который ее и начали дальше распространять. Пресловутые лжедиссиденты Медведевы сразу объявили книгу антисоветской, а ее автора – гитлеровцем.

Кагебисты включили ее в индекс запрещенных к распространению в СССР зарубежных антисоветских книг. На ряде политических процессов ее прилагали к делам подсудимых как «вещественное доказательство». Но я категорически заявляю, полностью сознавая содеянное мною и полностью зная все советские законы: «Технология власти» не антисоветская книга. Да, она антисталинская, но она советская в смысле защиты ею верховного суверенитета власти Советов против ее узурпаторов из партаппарата. Поэтому те, кто объявляют «Технологию власти» антисоветским произведением, – признают, что сталинская власть и советская власть – одно и то же.

Первый известный мне судебный процесс, на котором судили за распространение «Технологии власти», наряду с сугубо философскими произведениями Бердяева и знаменитым «Новым классом» Милована Джиласа, был Ленинградский процесс над Квачевским, Студенковым и Гендлером в 1968 году. Об этом процессе со слов Гендлера рассказывает Михаил Коряков:

«У меня есть знакомый – Юрий Гендлер, юрист из Ленинграда. В декабре 1968 года его и еще двух таких же, как и он, инакомыслов судили в Ленинградском городском суде. Его обвиняли, в частности, в том, что он устраивал у себя на квартире какие-то «нелегальные сборища», на которых читались и обсуждались будто бы «антисоветские книги». Одной из таких книг была книга Абдурахмана Авторханова «Технология власти». Всего в приговоре по «делу Гендлера» фигурировало 15 книг, в том числе фотокопия авторхановской книги. Эту фотокопию Гендлер получил от приятеля. Как вспоминает Гендлер, взвесив фотокопию книги на ладони, он спросил у приятеля: «На пятерик потянет?» – «Пятерик не пятерик, а трояк весит», – сказал приятель. Так и вышло: 26 декабря 1968 года Гендлер был приговорен к трем годам лишения свободы...» («Новое русское слово», 11 апреля 1976)

Процесс этот вызвал решительный протест передовых представителей советской общественности. Так, Григоренко, Габай, Ким, Якир, Красин, Асанова, Каплан, Кожаринов, Краснов-Левитин, Теле-син подали «Заявление прокурору РСФСР» от 22.1.1969 года. В нем говорилось:

«Можно только поражаться, как мог советский суд дойти до того, чтобы признать философские произведения ученого с мировым именем – Бердяева и видного общественного деятеля Югославии Джиласа или историко-социологические исследования А. Авторханова «Технология власти» антисоветскими. Особенно возмутительна для советского человека такая квалификация в отношении последней из названных книг. Ее автор, случайно вырвавшийся из застенков сталинской госбезопасности, ушел в эмиграцию и там, по материалам съездов КПСС, исследовал условия и способы установления единоличной диктатуры Сталина и причины ужасающего сталинского террора... Труд Авторханова является пока что единственным в этой области. С некоторыми положениями его можно спорить, но пока еще не нашлось никого, кто рискнул бы на это. Настолько этот труд аргументирован и настолько проанализированы приводимые автором факты. Однако суд в Ленинграде оказался столь «квалифицированным» в области всех общественных наук, что даже без специальной экспертизы и, более того, даже не читая представленных обвинением книг, «сразил» труд Абдурахмана Авторханова един-

ственно доступным аргументом – «антисоветчина». Иными словами, суд поставил знак равенства между антисоветчиной и антисталинщиной... Выходит, Сталин и советская власть – одно и то же».

Интерпретация книги коммунистом Григоренко и его единомышленниками, вполне лояльными советскими гражданами, борющимися за соблюдение *советских* же законов, означала ее легализацию и даже рекомендацию. Это поставило кагебистов перед новой проблемой: как дискредитировать книгу с фактической стороны, объявив ее произведением досужих сплетен и беспочвенных фантазий (как будто практика Сталина еще оставляет место даже для самой разнузданной фантазии). Но делать это нельзя было в печати, ибо, чтобы опровергать книгу, надо было ее цитировать, а каждая цитата говорила бы сама за себя. И по этим, казалось бы, элементарным правилам спора с противником в мозгах идеологов КПСС бессмертно живет Сталин с тех пор, как он в тридцатых годах начал расстреливать историков партии (Волосевич, Невский, Н. Попов, Ванаг, Пионтковский, Дроздов, Лукин, Фридлянд и др.) кроме всего прочего и за то, что они в спорах с Троцким цитировали самого Троцкого. Такой метод критики противника Сталин объявил троцкистской контрабандой антисоветских идей – под благовидным предлогом критики они, советские историки, якобы протаскивали цитаты из Троцкого в советскую печать. Вот этот сталинский закон тотально применяется и сегодняшней партийной печатью – ни в одной критике эмигрантских книг вы никогда не найдете ни одной цитаты, если же вы все-таки какую-то цитату нашли, то будьте уверены, что ее в критикуемой книге нет, ее присочинила сама партийная печать, чтобы легче было расправиться с противником. Приписав вам один раз такую цитату или просто присочинив вымышленные криминальные преступления к вашей биографии, партийная печать в дальнейшем будет выдавать эту свою собственную фальшивку за установленный факт. Поэтому новые «разоблачения» против вас будут начинаться всем нам знакомыми словами: «Известно...», «как известно...», «как известно всем...» То и другое я не раз испытал на себе.

Дискредитацию «Технологии власти» с фактической стороны не в партийной, в самиздатской печати и взяли на себя братья Медведевы, которых А. Солженицын называет «допотопными коммунистами».

Когда я впервые прочел их оскорбительный выпад против моей книги, я просто улыбнулся – «ну, что же, винить их не приходится, во время описываемых мною событий они были детьми, откуда им знать все изощренности гениального мастера криминальных дел».

Дальнейшие мои наблюдения за ними показывают, что мы действительно имеем дело с коммунистами по убеждению, хотя и «допотопными». Особенно это стало ясно после турне одного брата по Европе и Америке с дезинформацией западной общественности в отношении советских репрессий и нескольких выступлений другого брата как против Солженицына, так и против гуманистических акций академика Сахарова, требовавшего связать разрядку вовне с разрядкой внутри страны. Да, Медведевы числятся в «диссидентах», но их действия льют воду на чекистскую мельницу. Причем «диссидентский» статус ставит их в привилегированное положение, которым они злоупотребляют не во вред, а на пользу существующему режиму. Если бы, например, Андропов захотел выступить перед американским сенатом в защиту своего режима, ему сразу указали бы на дверь, если же он захотел бы протаскать идеи своего ведомства на страницах свободной печати, он не дошел бы даже до дверей редакций. Медведевым обеспечен свободный вход во все двери Запада, пока они играют в «диссидентов».

Пользуясь этим «диссидентским» статусом, они попытались дискредитировать «Технологию власти». Вот образцы их «критики»:

«В 1968—69 гг. я несколько раз встречался с П. Г. Григоренко. Особенно длительной и подробной была наша беседа в конце апреля 1969 г. Многие из высказываний и действий П. Г. Григоренко казались мне ошибочными, и я говорил об этом Петру Григорьевичу. Я не мог согласиться с его положительным отношением к книге А. Авторханова, полной всякого рода

выдумок и искажений» (курсив мой. – А. А.) (Ж. А. Медведев, Р. А. Медведев. Кто сумасшедший? MacMillan, Лондон, 1971, стр. 157).

Значит, Медведев действительно «просвещал» Григоренко в отношении никчемной книги буквально за несколько дней до его ареста. «Просвещение», видно, успеха не имело и тогда только власти прибегли к помощи «медицины» – Григоренко арестовали как сумасшедшего, сначала спровоцировав его на поездку в провинцию, поездку, которая со стороны Григоренко была предпринята с весьма благородной целью – защищать на суде в Ташкенте несчастных крымских татар. Одновременно «Политический дневник» (главный редактор – Р. Медведев) в том же апреле 1969 года напечатал рецензию на мою книгу. В этой рецензии Григоренко прямо обвиняется в рекламировании контрреволюционной антисоветской книги «Технология власти», обвинение вполне достаточное, чтобы арестовать и осудить Григоренко. Рецензия озаглавлена: «О книге А. Авторханова «Технология власти». Перепечатанная в книге «Политический дневник» (Амстердам,

Фонд имени Герцена, 1972) в виде рецензии Самиздата, она занимает целых шесть страниц мелкого шрифта. Даже профан в чекистских делах заметит, что рецензия будет немедленно использована органами КГБ против Григоренко, Литвинова и их сторонников, широко рекламировавших в подполье данную антисоветскую книгу. При этом сообщается, что сама книга не только антисоветская, но и написана гитлеровцем. «Рецензия» написана вполне на уровне знаний из сталинского «Краткого курса». «Рецензия» скрыто выполняет и другую побочную роль. Она пугает читателей предательской «радиоактивностью»... книги. Приведем некоторые выдержки из этой «рецензии»: «Вот уже второй год (апрель 1969 г.) в Москве и некоторых других городах (Ленинград, Киев) распространяется книга А. Авторханова «Технология власти». На русском языке эта книга издана эмигрантским НТС-овским издательством «Посев» (намеренная ложь, книга издана ЦОПЭ. – А. А.). Распространяется она в фотокопиях, хотя имеются и машинописные копии. Некоторые из фотокопий оказались радиоактивными, если возле них держать счетчик Гейгера, то стрелка счетчика заметно отклоняется в сторону. Одна из таких радиоактивных фотокопий книги А. Авторханова была изъята весной 1969 г... у критика С. (потом его фамилия была расшифрована – украинский критик Иван Светличный. – А. А.). В этой связи высказывается предположение, что некоторые из фотокопий данной книги изготовлены органами КГБ для того, чтобы проследить пути распространения «самиздатской» литературы. А. Авторханов – в прошлом член ВКП(б). Он учился, а затем преподавал в Институте красной профессуры. Работал в аппарате ЦК. В 1942 году Авторханов, чеченец по национальности, перешел на сторону гитлеровцев... *Его книга написана с откровенно антисоветских позиций*, и она несомненно входит в список работ, запрещенных к распространению на территории СССР. *Большую рекламу этой книге проводит группа П. Г. Григоренко и П. Литвинова. В одном из своих писем П. Г. Григоренко называет работу А. Авторханова «классическим трудом по истории сталинизма»* (стр. 509–510; весь курсив в цитате мой. – А. А.).

Вот это утверждение КГБ оценил как донос не только на Григоренко, но и на тех, кого судили за чтение и распространение антисоветской «Технологии власти» на разных процессах действительных диссидентов (см. «Хронику текущих событий» №№ 5, 7, 13, 26, 38, Самиздат, Москва, 1969–1975). Дальше идет расшифровка того, что Медведевы называли «выдумками и искажениями».

Вот эти «выдумки»: «Книга А. Авторханова не является, собственно, историческим исследованием. В подзаголовке указано, что это «историко-мемуарные очерки». Автор останавливается поэтому в первой и второй части на тех событиях, свидетелем и даже участником которых был он сам. Книга написана довольно живо и может произвести большое впечатление на неподготовленного читателя. Однако в целом работа А. Авторханова является *не только антисоветской и антикоммунистической по своему духу* (значит судьи и КГБ правы, осуждая людей за ее чтение. – А. А.), но и крайне недостоверной по своему содержанию. Автор допус-

кает не только грубые искажения, но и сознательный вымысел» (стр. 510; курсив мой. – А. А.). В чем же, конкретно, состоят эти «вымыслы»? Вот один самый первый и, вероятно, самый важный «вымысел»:

«Так, например, книга начинается с описания «символической казни» Сталина в ИКП. На большом портрете Сталина в актовом зале ИКП незадолго перед выступлением Сталина с докладом «На хлебном фронте» была якобы отрезана голова и сделана надпись «Пролетариату нечего терять, кроме головы Сталина». Это вызвало, по словам Авторханова, большую панику среди руководства ИКП. Весь этот эпизод полностью выдуман. В Москве живет несколько старых икапистов, которые учились и преподавали в ИКП вместе с Авторхановым и которые решительно опровергают описание последнего эпизода с портретом» (стр. 510). Если бы я не имел тут дела с политически грамотными людьми, то можно было бы воскликнуть: о, святая простота, до чего ты темна! Я рассказываю, что Сталин в действительности сносил головы миллионам людей, а меня хотят уличить в «вымысле» в отношении его бумажной головы, чтобы увести читателя в сторону от существа содержания книги. И кто же свидетели против меня? «Невинные» однокашники мои, «икаписты»: Сулов, Пономарев, Поспелов, Митин, Ильичев, Минц, Константинов, по доносам которых все старые икаписты были арестованы и расстреляны за подготовку террористического акта против Сталина (дело Фридлянда и др.).

Вот второй «вымысел»: «А. Авторханов дает далее весьма тенденциозное описание кадров и слушателей ИКП, он пишет затем в расчете на невзыскательную западную публику об амурных похождениях Кирова, Ворошилова, Буденного, Луначарского и, наоборот, в восторженных тонах говорит о некоем Резникове, который якобы сыграл огромную роль в революции и как уполномоченный ВРК получал указания лично от Ленина... Между тем, нигде в сочинениях В. И. Ленина нет ссылок на Резникова, писем к нему или о нем» (стр. 511). Тут тоже увод в сторону от содержания книги: во-первых, о вышеназванных икапистах я пишу с совершенно понятной «тенденцией», ибо как раз именно они сделали Сталина «гениальным корифеем всех наук» (читайте их произведения в 20-х, 30-х, 40-х и начале 50-х годов); во-вторых, об «амурных похождениях» названных соратников Сталина я ничего не пишу. Только буквально в одном предложении из девяти строчек упомянуто, что Киров, Ворошилов, Буденный и Луначарский «весьма увлекались артистками», что я им совсем не ставил в упрек. Наоборот, может быть, общее несчастье нас всех и заключается в том, что в волчьем сердце Сталина не было хотя бы маленькой фибры любви к женщине. Поэтому его собственная жена покончила жизнь самоубийством, а миллионы других женщин он сделал вдовами; в-третьих, авторам «Политического дневника» надо было бы не публицистикой заниматься, а писать юморески в «Крокодиле» – иначе, чем объяснить, что они ищут в произведениях Ленина ссылки на человека, который выведен мною в книге под вымышленным именем; в-четвертых, берется под сомнение существование людей, которых я вывел не под именами, а по рангам: «Генерал», «Нарком»: «Здесь также много догадок и всяких недостоверных сообщений. Автор вводит анонимные фигуры «Генерал ГПУ» и «Нарком» – почему, однако, не назвать подлинные фамилии, – ведь сейчас никого уже нет в живых» (стр. 512). Здесь рецензенты забыли то, что они сами написали строчками выше: «В Москве живет несколько старых икапистов» и действительно живет, я уже назвал их имена. Можно назвать еще больше имен. В мою задачу не входит облегчать КГБ и его сотрудникам их работу в поисках «исторических врагов» или в преследовании их наследников.

Дальше уже идет серия сплошных «вымыслов», причем делается это теперь более «толерантно»: «А. Авторханов приводит интересные сведения о внутривнутрипартийной борьбе в начале 30-х годов. Однако и здесь немало выдумок» (стр. 512). Аргументы? Вот один типичный аргумент:

«Авторханов утверждает, что Сталин был в 1927 г. забаллотирован на выборах в Комкадемию... Такого случая в истории академии не было. Сомнительно также и то, что Сорокин предложил Бухарину убить Сталина и что Бухарин отклонил это предложение» (стр. 512);

«Сомнительно, чтобы группа Смирнова, как утверждает Авторханов, требовала «распустить колхозы и совхозы». Но тут авторы приводят совершенно неожиданный аргумент от противного: «Такое требование, видимо, приписывали этой группе Сталин и ЦКК» (стр. 513);

«описывая «национальную оппозицию» в партии, Авторханов оправдывает так называемых «национал-уклонистов» (стр. 513);

Позвольте: Авторханов не оправдывает «национал-уклонистов», их оправдывает тот, именем которого клянутся Медведевы и их работодатели, – сам Ленин в большой статье «К вопросу о национальностях или об «автономизации» (Ленин, ПСС, т. 45, стр. 356–362) и в специальном письме к этим «уклонистам»: Б. Мдивани, Ф. Махарадзе и другим (Ленин, ПСС, т. 54, стр. 330), впервые опубликованных после XX съезда. В названной статье Ленин называет изобретателя термина «национал-уклонисты» Сталина и его единомышленников Дзержинского и Орджоникидзе «великорусскими держимордами», хотя они сами даже и не русские; а в защиту грузинских мнимых «уклонистов» Ленин готовил «бомбу на XII съезде» против Сталина и заодно написал в «завещании» о необходимости снятия Сталина, главным образом, за это самое «грузинское дело». Все это хорошо известно после XX съезда, но авторы «Политического дневника» в полном согласии с линией нынешнего ЦК клеветают на своего Ленина, выполняя определенный «социальный заказ».

«Крайне сомнительно утверждение Авторханова о том, что парторгом ИКП был в конце 20-х годов некто Орлов, в прошлом адъютант у белого генерала» (стр. 511). Простите, почему белогвардеец Орлов не мог быть «парторгом», если ближайшими сотрудниками Сталина были министр Временного правительства Соболев, колчаковский министр Майский, активный меньшевик до окончательной победы большевиков – Вышинский, а художественно воспроизвести свои «подвиги» в гражданской войне Сталин доверил белогвардейцу графу Толстому (повесть «Хлеб»)?

Таковы мои «выдумки и искажения». Как видит читатель, они касаются не существа книги – становления сталинизма – а, так сказать, авторских «ремарок» к этому существу. Причем и эти «ремарки» критикуются с таких оригинальных позиций: всего, что вы рассказываете, не было, потому что этого не должно было быть!

Однако нигде так кричаще не выступает наружу коммунистическое фарисейство Медведевых, как именно в их защите сталинской кровавой коллективизации. Они заявляют, что Авторханов «особенно тенденциозно пишет о коллективизации и раскулачивании. Это «смертельный приговор крестьянству», «война на истребление крестьянства», «мужики с вилами бросаются на советские танки, направленные в деревню» и т. д.» (стр. 512), – все это Медведевы объявляют «тенденциозностью»! Исторические факты из самих советских источников изобличают казенную ложь лжедиссидентов. Трехлетняя, самая ожесточенная в истории Гражданская война в России (1918–1920) стоила обеим сторонам вместе около 550000 человеческих жертв, тогда как трехлетняя «классовая борьба» во время «сплошной коллективизации» (1930–1932) унесла в тундры и под тундры около 10 миллионов человек. Эту цифру Сталин сообщил Черчиллю в время их беседы. Сталин добавил, что большинство из этих десяти миллионов крестьян «было уничтожено батраками» (W. S. Churchill. The Second World War, vol. IV. London, p.p. 447—8). «Батраки» – это, значит, Сталин, Молотов, Каганович, трубадурами которых являются Медведевы.

Рецензенты «Политического дневника» критикуют и мое изложение некоторых загадочных обстоятельств, связанных со смертью Сталина: «Авторханов пишет о «загадке смерти Сталина», создавая впечатление, что Сталин едва ли не был устранен членами Политбюро», и обвиняют меня в допущении «множества неточностей» в этой связи, но указывают только на

одну «неточность», например, Поскребышев был устранен за несколько месяцев до смерти Сталина. Однако этот факт, ставший нам известным из книги Светланы Аллилуевой-Сталиной, нисколько не поколебал всей цепи улик о «загадочной смерти» Сталина. Совершенно наоборот. Новые данные и новые улики подтверждают мою гипотезу, что ученики Сталина так-таки помогли учителю умереть. Я называл, как возможных и вероятных организаторов анти-сталинского заговора, «четверку» – Берия, Маленкова, Хрущева и Булганина. Я не знал и не мог знать тогда, в 1956–1957 годах, что действительно только эти четыре человека из Политбюро находились постоянно около Сталина как накануне болезни, так и во время его смерти (Хрущев в 1959 г., после выхода моей книги, впервые рассказал историю «последних дней» Сталина бывшему американскому послу Гарриману, в которой фигурируют только эти четыре человека, теперь Аллилуева тоже пишет только о них). Последующая информация о поведении названной «четверки» и особенно поведение главного организатора заговора – Берия – укрепили меня еще больше в правомерности моей гипотезы о том, что смерть Сталина последовала в результате заговора «четверки». Поэтому я и написал отдельную книгу «Загадка смерти Сталина (заговор Берия)». Незачем пересказывать ее содержание. Здесь я ограничусь следующими замечаниями. В истории часто бывало, что дорогу, к устранению тирана находили либо через предательство его ближайших слуг и охранников, либо через их удаление из окружения тирана, чтобы легче было покончить и с самим тираном. Теперь мы имеем неопровержимые факты о том, что верные слуги и преданные лейб-охранники Сталина были устранены заговорщиками руками самого Сталина накануне его болезни. Заговор против Сталина мог иметь успех при условии изоляции от него трех органов, которые отвечали за его безопасность: 1) «Внутреннего кабинета» Сталина во главе с генералом Поскребышевым. 2) Управления личной охраны Сталина во главе с генералом Власиком. 3) Главного управления комендатуры Кремля во главе с генералом Косынкиным. Эти генералы служили Сталину преданно и самоотверженно с самого начала карьеры «генсека». Об этих людях можно сказать, что заговорщики могли добраться до Сталина только через их трупы. Кроме того, если заговорщики думали покончить со Сталиным путем его отравления, то они должны были обязательно изолировать от Сталина и его личного врача. Теперь окончательно выяснилось, что все эти доверенные люди Сталина, идеально гарантировавшие до сих пор его безопасность, были удалены от Сталина: в конце 1952 и начале 1953 года генерал Поскребышев был снят, а генерал Власик был арестован. (С. Аллилуева. Двадцать писем к другу. London, Hitchinson & Co, 1967, стр. 192). Генерал Косынкин «безвременно» умер («Известия» 17.2.1953). В конце 1952 года в числе «кремлевских врачей» был арестован и долголетний личный врач Сталина – академик Виноградов (как сообщил Хрущев, по доносу сексота МГБ, то есть сотрудника Л. Берия – врача Лидии Тимашук). На места снятых людей – в личную охрану Сталина, в комендатуру Кремля и в «Секретариат т. Сталина» («Внутренний кабинет») – были назначены выдвигенцы «великой четверки» – Берия, Маленкова, Хрущева и Булганина. Не был назначен только врач – Сталин решительно отказался пользоваться услугами каких бы то ни было врачей. Из глубокого недоверия к ним он занялся «медицинским самообслуживанием», как свидетельствует Аллилуева. Тем самым отпал официальный врачебный контроль, что вполне могло входить в планы заговорщиков. Отныне судьба Сталина была в руках «великой четверки». Они ее и решили в ту последнюю ночь 28 февраля, когда они, по свидетельству Хрущева, пировали со Сталиным в Кунцеве до утренней зари воскресенья 1 марта 1953 года. К концу этого пиршества Сталина и постиг удар. Был ли это спровоцированный удар или удар от яда замедленного действия, – остается самой великой тайной Кремля. Врачей к явно умирающему Сталину вызвали только через сутки.

Дети Сталина Василий и Светлана были вызваны к отцу только 2 марта, когда умирающий Сталин уже находился в бессознательном состоянии. Поэтому официальное сообщение скрыло от страны, что «кровоизлияние в мозг» у Сталина произошло не 2 марта, а в ночь на 1 марта. Более того. Новые владыки Кремля скрыли от страны даже место смерти Сталина. В том же

сообщении говорилось, что удар у Сталина случился, «когда он находился в Москве на своей квартире». Цитируя это место, я тогда же спрашивал (см. текст 1-го изд., стр. 282), «почему это важно, что это произошло в Москве» и «на своей квартире?» После, из рассказов Хрущева, а теперь из книг С. Аллилуевой выяснилось, что Сталин умер не на своей московской квартире, а на даче, недалеко от Москвы. Если у учеников Сталина совесть была чиста, то Сталину не пришлось бы умереть там, где он не умер. На даче было легче изолировать Сталина от внешнего мира, чем в Москве, там же легче было с ним покончить, чем во многолюдном Кремле, где к тому же система охраны Сталина и коммуникация с внешним миром была более идеальной и совершенно независимой от внешнего МГБ и МВД. Неудивительно, что дочь Сталина, которая хотела посетить отца в воскресенье 1 марта, так и не могла дозвониться к нему. 2 марта ее уже вызвали члены «четверки». У ворот ее встретили «плачущие» Хрущев и Булганин (если спектакль, так уже реалистический), у постели Сталина она увидела «плачущего» Маленкова и торжествующего Берия. О том, что происходит дальше, она пишет: «В большом зале, где лежал отец, толпилась масса народу. *Незнакомые* врачи, впервые увидевшие больного, ужасно суетились вокруг... Отец был без сознания... он вдруг открыл глаза и обвел ими всех, кто стоял вокруг. Это был ужасный взгляд... И тут, – это было непонятно и страшно, я до сих пор не понимаю, но не могу забыть, – тут он поднял вдруг кверху левую руку и не то указал ею куда-то вверх, не то погрозил всем нам. Жест был непонятен, но *угрожающ...* Только один человек вел себя почти неприлично – это был Берия... Когда все было кончено, он первым выскочил в коридор и в тишине зала, где все стояли молча вокруг одра, был слышен его громкий голос, не скрывающий *торжества*: «Хрусталева! Машину!» (Двадцать писем к другу, стр. 7, 10; курсив мой. – А. А.)

Тем не менее Светлана Аллилуева не думает, что ее отца убил хотя бы тот же Берия. А что думал сын Сталина – генерал-лейтенант Василий Сталин? Аллилуева пишет: «Смерть отца потрясла его. Он был в ужасе, он был уверен, что отца «отравили», «убили»...» (там же, стр. 198).

Эти же свои обвинения Василий Сталин повторил еще раз в дни похорон Сталина. Какие он имел основания? Мы этого не знаем. Зато мы хорошо знаем из воспоминаний дочери Сталина, что Сталин очень любил Василия, уговорил его поступить в Академию Генерального Штаба, стало быть, мог делиться с ним своими заботами, опасениями, подозрениями в отношении своих «учеников». Ничего этого не могла знать дочь, которая редко бывала у отца, а на политические темы вообще не говорила с ним.

Разумеется, долго кричать «они его убили» Василию Сталину не дали. 28 апреля 1953 года, то есть через 53 дня после смерти Сталина, его арестовали. За что же? У Аллилуевой получается, что арестовали чуть ли не за алкоголизм. Арестовать генерал-лейтенанта, сына Сталина за алкоголизм – это уж много чести алкоголикам! Василия Сталина, вероятно, арестовали потому, что он хорошо знал, кто эти «они», которые убили Сталина. Первый секретарь ЦК албанской коммунистической партии Э. Ходжа, который до 1961 года находился в хороших отношениях с лидерами Кремля, рассказал нам, кого надо понимать под «они». Ходжа прямо заявил: «Советские лидеры – заговорщики, которые имеют наглость открыто рассказывать нам, как Микоян, что они тайно подготовили заговор, чтобы убить Сталина» (речь Э. Ходжи 24 мая 1964 г., R. Conquest, *The Great Terror*, 1971, p. 172).

19 июля 1963 года на митинге в Москве Хрущев произнес большую речь в честь Кадара. Речь транслировалась по радио. В ней Хрущев признался в насильственной смерти Сталина: «Сталин стрелял по своим! По ветеранам революции. Вот за этот произвол мы его осуждаем... Напрасны потуги тех, которые хотят руководство изменить в нашей стране и взять под защиту все злоупотребления, которые совершил Сталин... И никто не обелит (его)... Черного кобеля не отмоешь добела (аплодисменты)... *В истории человечества было немало тиранов жестоких, но все они погибли так же от топора, как сами свою власть поддерживали топором*»

(радио Москва I, 19 июля 1963 г., 11.55 средневропейского времени, мониторинговая радиозапись станции «Свобода»). Подчеркнутые мною слова газеты «Правда» и «Известия» вычеркнули при напечатании речи Хрущева, но эти слова слышали много миллионов людей не только в СССР, но и за границей. Эти слова Хрущева о тиранах, которые топором правили и от топора погибли, были сказаны прямо по адресу Сталина, в присутствии всех руководителей ЦК, армии и КГБ. Разве нужно еще более авторитетное доказательство правоты Василия Сталина, говорившего: «они убили его»?!

Загадка смерти Сталина более уже не загадка. Поставленное Сталиным перед ультимативной альтернативой: кому умереть – Сталину или всему составу Политбюро, – Политбюро во главе с «четверкой» выбрало смерть Сталина. Говоря по-человечески, никто не может ставить им в вину такой выбор.

6 марта 1953 года «четверка» разделила между собой власть Сталина: по предложению Л. Берия, Маленков был назначен председателем правительства, а Хрущев – исполняющим обязанности первого секретаря ЦК. По предложению Маленкова, Берия был назначен его первым заместителем и главой объединенного МВД, а Булганин – министром обороны СССР. Законным наследникам Сталина, но не участвовавшим в заговоре, – Молотову, Кагановичу, Ворошилову – достались второстепенные посты.

III. «Технология власти» под судом кагебистов

Когда типичная советская критика – критика путем умолчания произведений эмигрантских авторов – в отношении меня не удалась, партийные идеологи решили публично признать существование книги, но разоблачить не ее, а ее автора. Задача эта была возложена на журнал «Огонек» с его двухмиллионным тиражом. В очерке Л. Лерова, Вл. Павлова и Ю. Чернявского «Вояж Франсуа де Перрего» в трех продолжениях журнал рассказал о судебном процессе над физиком, московским аспирантом Д. Михеевым, которого судили только за то, что он хотел уехать за границу и читал Бердяева и Авторханова. Манера «Огонька» критиковать идеологического противника типично советская. Авторы «Огонька» критикуют книги, которых они не читали, критикуют перед миллионной аудиторией, которая их тоже не читала. Из такой критики читатель даже не может узнать, в чем же содержание предаваемой анафеме книги. Причем сам основной аргумент критиков очень оригинальный: оказывается, моя книга плоха потому, что ее автор отчаянный негодяй, как будто негодяи не могут писать правдивые книги о таком «годяе», как Сталин! Все-таки даже из такой «критики» мы узнаем некоторые любопытные вещи:

1) У Михеева установились «дружеские отношения с одним из представителей так называемого «самиздата», студентом Славой Великановым и его супругой Ольгой Ступаковой... Слава, целиком разделявший михеевские взгляды, снабжал его разнообразным чтивом, которое засылалось в СССР из-за рубежа: писаниями экзистенциалиста Бердяева, очередными номерами энтеэсовского журнала «Посев» и тому подобными изданиями. А зимой прошлого года Слава передал Михееву пленку с текстом изданной за границей книги предателя Родины Авторханова «Технология власти». Справедливости ради отметим, что сам Михеев часто и не подозревал, что представляют собой авторы книг...» («Огонек», № 35, сентябрь 1971, стр. 29).

2) «Михеев приглашает в гости близких друзей Шахназаровых и передает им на хранение свои духовные богатства – собственные сочинения, фотопленку и фотокопию с текстом книг Бердяева,

Авторханова. Все это было у Шахназаровых изъято при обыске» («Огонек», № 36, сентябрь 1971, стр. 31).

Однако самый главный аргумент критики «разоблачители» держали в запасе. Это биография, которую сочинила мне «Советская Россия», а «Огонек» дополнил. Она изложена в третьем продолжении. Идет допрос арестованного Михеева в кабинете следователя КГБ. Вот как в изложении авторов «Огонька» следователь «просвещает» Михеева:

«Следователь не только уличал Михеева в совершенных им деяниях, он наносил удар за ударом по его идейным позициям.

– Вы сами зачитывались и друзьям давали читать клеветническую книгу Авторханова «Технология власти». Вам что-нибудь известно об авторе?

– Ничего не известно...

– Жаль. Я допрашивал одного ярого врага советской власти, Карнута, работавшего в американской разведывательной школе. Он давно уже осужден. Но в ходе допроса всплыли некоторые обстоятельства жизни коллеги Карнута, – коллега этот возглавлял в школе кафедру, преподавал историю России и СССР. Его фамилия Авторханов...

И следователь развенчивает михеевского кумира – вот он кто такой, господин Авторханов, он же Александров, он же Кунта. В годы войны дезертировал из Советской армии. Будучи по национальности чеченцем, издавал на оккупированной территории газету. Затем служил в гитлеровской контрразведке, выдавал гестапо советских подпольщиков, коммунистов, комсомольцев, активистов. Словом, у Авторханова руки по самые локти в крови. Когда наступающая Советская армия подошла к тем местам, где развил свою деятельность Авторханов, он

поспешил обратиться на Запад вместе с хозяевами. Перед самым окончанием войны Авторханов пристроился в лагерь военнопленных под Миттенвальдом, надеясь переждать там трудные времена. Однако для него эти трудные времена миновали довольно быстро. В скором времени в городке Гармиш-Партенкирхен открылась американская разведшкола. Авторханова приглашают читать лекции по истории СССР и КПСС в разведшколу и зачисляют его в штат под именем Кунта. Вот этот-то предатель, на совести которого сотни загубленных жизней борцов с фашизмом, ныне чувствует себя в безопасности под крылышком ЦРУ и пишет книги, в которых клеветает на своих соотечественников, чернит свою бывшую Родину.

...Это не Авторханова развенчивал следователь, а его, Михеева, развенчивал. Вот ты каков, «борец» за «демократию», вот за какую власть ратовал – власть авторхановых!»

В этой моей «биографии» что ни слово, то самое низкопробное вранье. Отвечу на него очень коротко:

1) Я не мог дезертировать из Советской армии, так как никогда в ней не служил.

2) «Будучи по национальности чеченцем» (что это, быть чеченцем все еще «криминал»?), на оккупированной территории я никогда никакой газеты не издавал; поэтому авторы не указывают ни города, ни названия газеты; но добавлю: если бы у меня была возможность, я ее издавал бы.

3) Никого я гестапо не выдавал и ни в какой разведке я не служил. Клеветников из «Огонька» и КГБ я вызываю выступить с этими обвинениями против меня перед судом Федеративной Республики Германии, где я живу, где до сих пор судят за такие преступления, или повторить эти же обвинения в западной коммунистической прессе, чтобы я мог привлечь к судебной ответственности клеветников.

4) «Перед самым окончанием войны» я не «пристроился в лагерь военнопленных, чтобы переждать там трудные времена».

Редакция «Огонька» очень низкого мнения об интеллектуальном уровне своих читателей, если она всерьез допускает идиотскую мысль, что ее читатели должны поверить и этой примитивной лжи – ведь не может же человек моего образа мышления и действия, человек, открыто и сознательно ставший на путь борьбы со Сталиным, к тому же «преступник» с «руками по самые локти в крови», бежать к концу войны с воли в лагерь советских военнопленных в надежде, что Сталин ему простит его «заблуждения». Редакция «Огонька», как и его издательство «Правда», не походит даже на ту знаменитую старушку, которая врет, врет, но иногда и правду соврет. «Огонек» не соврал ни одной правды, кроме моего авторства «Технологии власти».

Я добросовестно привел все то отрицательное, что сказали о моей книге «диссидентствующие» коммунисты, вроде Медведевых, и все то ужасное, что сказали о моей персоне правительствующие коммунисты. Надеюсь, что я не покажусь Хлестаковым, если осмелюсь предоставить слово и свободным голосам из Самиздата. В моем распоряжении есть много положительных отзывов из СССР, но я приведу только пару примеров из опубликованных на Западе и одну выдержку из письма ко мне из Москвы. Начну с этого письма. Его автор – доктор наук, член партии с видным положением. Но ценность его письма для меня в том, что его отец сам учился в те годы в Институте красной профессуры, окончив его, он получил высокий партийный пост. Написал большую критическую работу в антисталинском плане, но издательства отказываются печатать (может быть, мы ее прочтем в Самиздате). Мне пишет не он сам, а его сын. Вот отрывок из письма:

«Уважаемый тов. Авторханов А.!

Мне представилась исключительная возможность познакомиться с Вашей книгой. Из того многообразия литературы, с которой у меня была возможность познакомиться, Ваша книга – наиболее интересная. Это признали и мои друзья, мои старшие товарищи отца, хорошо

знавшие икапистов!.. К сожалению, от старой гвардии осталось Совсем немного... Книга произвела сильное впечатление своей *документал ъност ью*».

Мой московский корреспондент приводит много интересных деталей, весьма ценных для истории, но, к сожалению, в интересах сохранения анонимности автора, я вынужден отказаться от их цитирования (об успехе «Технологии власти» среди старых большевиков мне также рассказывали Вероника Решетовская-Штейн и Андрей Григоренко).

Мужественная и умная Ланда (Мальва Ноевна) из Красногорска еще до ареста позаботилась о составлении своего будущего «Последнего слова» на суде и пустила его 24 декабря 1972 года в Самиздат. В нем мы читаем:

«Наряду с «антисоветской агитацией и пропагандой» в обвинении (ее – А. А.) речь идет о «клеветнических измышлениях» (в самиздатской – существующей помимо партийного руководства – литературе). Для советского правосудия всякая информация, мнения, «порочащие советский государственный и общественный строй», могут быть только клеветническими измышлениями. Доказательства несоответствия этих «измышлений» действительности по существу не приводятся. Очевидно, это одна из причин, почему суд, как правило, происходит при закрытых дверях... Никто не должен услышать содержание «клеветнических измышлений»; «измышления» – фактические сведения и мнения, касающиеся существенных сторон советского строя, советского образа жизни, скрываются от советских людей. Клеймо – «антисоветские клеветнические измышления» стоит, например, на информации, приводимой в «Хронике текущих событий»... То же самое клеймо стоит на книге А. Авторханова «Технология власти», где восстанавливается история сталинизма, та ее сторона, которая обходится молчанием в советской литературе (в книге используется большое количество советских документов – газеты, стенограммы съездов, пленумов и т. д.). Я читала довольно большое количество самиздатской литературы, но не встречала в ней лжи. Заведомую ложь, клевету я неоднократно обнаруживала – с тех пор как научилась критически относиться к тому, что читаю, слышу, вижу – в советской литературе» (Вольное слово, выпуск 13. «Посев», 1974, стр. 19–20).

В Ногинске судили 26–30 октября 1972 года молодого талантливого советского ученого-астронома Кронида Аркадьевича Любарского за то, что он читал «самиздат». Ему дали пять лет заключения в лагерь строгого режима плюс два года ссылки. Свое «Последнее слово» на суде он превратил в обвинительную речь против порядка мракобесия и средневековой охоты за ведьмами. За такую речь в нормальном правовом государстве Любарский получил бы не семь лет заключения, а звание сразу доктора двух наук – юридических и философских. К сожалению, я могу привести из нее только отрывки, касающиеся «Технологии власти». Сначала Любарский констатирует, что у правительства существуют два подхода, две оценки, два критерия при рассмотрении одного и того же явления: за чтение одних и тех же книг беспартийных наказывают заключением в тюрьму, а других, избранных, поощряют. Он рассказал, что «антисоветские книги издает издательство «Иностранная литература» с грифом «Запрещенная литература»: «спрашивается, для кого же запрещенная. Очевидно, не для тех, для которых они публикуются. Это значит, что имеется определенный круг лиц, которые их могут читать или даже обязаны читать. Остальные граждане Советского Союза, по-видимому, недостаточно грамотны для этого».

Любарский говорит о значении информации для науки: «Информация – это хлеб научных работников. Интеллектуал работает с ней, как крестьянин с землей или рабочий с металлом. Независимое мнение можно составить при условии, что вы располагаете информацией. Например, очень важно знать все обстоятельства прихода Сталина к власти, если история должна нас учить. Но на полках книжных магазинов нет книг на эту тему. Вот поэтому я должен обращаться к Авторханову. Или хочется читать что-нибудь о политических процессах. Хотелось бы это читать в газетах, но там ничего нет о них. И вот тогда я обращаюсь к «Хронике». Что вы можете предложить мне вместо этого? Таковы мотивы, которые привели меня в

Самиздат. Есть ли Самиздат нормальное явление? Нет, конечно. Он симптом болезни. В обществе с нормальным развитием все вопросы, обсуждаемые в Самиздате, должны подвергаться анализу в газетах. Только в обществе с аномальным развитием толкают обсуждение больших проблем в подполье, придавая им этим самым окраску нелегальности».

Любарский знает и рецепт, как ликвидировать Самиздат. Он охотно его сообщает своим судьям: «Как можно ликвидировать Самиздат?»

Он – раковая опухоль в организме с аномальным развитием. Ее не вырежешь проблематическим ножом; здесь имеются только метастазы... Можно арестовать дальнейшие дюжины математиков, физиков, астрономов и отправить их в лагерь для производства материальных ценностей. Это не хозяйственный метод использования научно-технических кадров в период научно-технической революции. Это неэффективный метод для ликвидации Самиздата. До сих пор каждый судебный процесс вызывал цепную реакцию новых процессов. Если в 1966 году был только один процесс против Синявского и Даниэля, теперь их насчитываются *сотни ежегодно* (Судья: «Подобной информацией суд не располагает»). Самиздат можно только тогда ликвидировать, если поймут, что он не есть каприз некоторых злонамеренных элементов, а общественное явление, которое соответствует созревшей потребности... Нужно предпринять необходимые меры, чтобы люди не были вынуждены черпать свою информацию из труда Авторханова в Самиздате, а брать открыто из прессы» (Журнал Zeit Bild, № 11, Mai 1974, Bern; из-за отсутствия под руками русского текста я вынужден был делать с немецкого обратный перевод. – А. А.).

Западные путешественники в СССР часто возвращаются оттуда с важными сведениями о деятельности подпольного книжного рынка Самиздата. Интересные сведения на этот счет содержатся в статье Марии Садовой «Москва сегодня», напечатанной в издаваемом в Париже серьезном польском журнале «Культура» (январь 1974 г.). Она сообщает: «На черном рынке (книжном) за Солженицына платят 80 рублей (напомним, что средняя месячная зарплата – 100 рублей). Весьма пользуется спросом религиозная литература – от творений Отцов Церкви до Бердяева и Булгакова. По знакомству можно добраться и до более «засекреченных» политических книг. «Бестселлерами» этого раздела являются вещи Оруэлла и «Технология власти» Авторханова».

Кажется, что единственным политическим процессом в СССР, на котором подсудимые отмежевались от антисталинской литературы, был процесс тех, кто, по утверждению КГБ, сделал больше всего для ее распространения – процесс в Москве Петра Якира и Виктора Красина в августе 1973 года. Я не склонен их осуждать, находясь вне непосредственной досягаемости КГБ. К тому же никто не знает обстоятельств, при которых их сломили. Только одно можно сказать уверенно: они воспользовались правом слабых, будучи сильнее своих душителей – КГБ.

Можно ли выиграть против КГБ? Безусловно можно, но при одном условии: если вы убедите ваших палачей, что ваша честь и идея вам дороже вашей жизни, как это сделали Григоренко, Буковский,

Галансков, Любарский, Мустафа Джемилев, Светличный, Мороз и многие другие. В этом смысле каждый, кто поднимается на борьбу с полицейским режимом, – не просто революционер, но и революционер-«самоубийца». Таковыми были русские народовольцы, социалисты-революционеры, даже некоторые большевики. Но Якир и Красин никакой революцией не занимались и никого свергать не собирались. Они хотели придать послесталинскому коммунизму «человеческое лицо» и вот тогда только они увидели его звериный лик. Увидев, капитулировали – настолько он оказался чудовищным. Осуждать их может лишь тот, кто в равных условиях доказал обратное.

Поведение Якира и Красина на суде наглядно продемонстрировало перед всем миром то, что мы всегда знали: Сталин не умер, он только переоделся, причесался и, как это метко

заметили западные карикатуристы, усы приставил к бровям. И получился: «Брежнев – Сталин сегодня», не по классу инквизиции – тут уж никому не дано догнать покойника, – а по классу перевоплощения.

Суд в Москве над Якиром и Красиным открылся 27 августа 1973 года и продолжался три дня. На столе лежало их уголовное дело в 150 томах.

В сообщении ТАСС от 27 августа говорилось: «Петр Якир и Виктор Красин предстали сегодня перед коллегией по уголовным делам Московского городского суда. Они обвиняются в сотрудничестве с «Народно-трудовым союзом», ставящим целью свержение существующего в СССР строя... Якир и Красин полностью признали себя виновными... Так называемого «Демократического движения», якобы представляющего оппозицию властям, в Советском Союзе не существует, заявил Якир. Как и Красин, он назвал это выдумкой буржуазной пропаганды... Подсудимые с горечью признали: какие бы «демократические идеи» ни пытались они распространять, все эти «идеи» оказывались разработанными в НТС. Среди литературы, рекомендованной этим антисоветским центром и рядом связанных с ним организаций, а также радиостанцией «Свобода» для нелегального распространения, была книга «Технология власти» Авторханова, предателя Родины, служившего в годы второй мировой войны в гитлеровских карательных отрядах и участвовавшего, в частности, в массовом истреблении евреев». (Я, собственно, не понимаю логики ТАСС, почему я должен убивать евреев, тогда как Кавказ завоевали не евреи, а русские, геноциду кавказские народы подвергли тоже не евреи, а обрушившие грузины Сталин и Берия.)

Коммунистические газеты Восточной Европы, в том числе и югославская газета «Борба» (30.8.1973) целиком воспроизвели эту, данную

ТАСС, характеристику моей личности, но газета «Известия» выбросила ее, заменив более «мягкой» формулой: «Свидетель В.В.Кожаринов рассказал о том, как было организовано размножение антисоветских материалов Якиром и Красиным, в частности, книги предателя родины Авторханова, служившего в гитлеровских карательных отрядах» («Известия», 31.8.1973). Таким образом, «массовое истребление евреев», по ТАСС, на страницах «Известий» не состоялось. По-видимому, редакция решила, что врать тоже надо если не в меру, то умеючи. Зато западная печать не поверила ТАСС на слово. Она считается не с инсинуацией, а с фактами. Я читал, например, статью из Москвы специального корреспондента «Нью-Йорк тайме» и «Интернешонал геральд трибюн» (28.7.73) Теодора Шабада о процессе Якира, в которой приводилось обвинение ТАСС против моей книги, но моя биография была рассказана правильно.

Но правило «клеветы, клеветы, что-нибудь да и пристанет» явно подвело кагебистов. Еще суд не кончился, а на Западе писали (не мы, эмигранты, а поклонники Брежнева по «детанту»), что Московский процесс Якира 1973 года со всеми этими «искренними признаниями» по существу есть второе издание процесса его знаменитого отца в 1937 году!

Вот после такой отрицательной реакции Запада режиссеры всей этой трагикомедии – через неделю после суда – решили удивить корреспондентов сенсацией: «по просьбе осужденных им разрешили выступить перед иностранными корреспондентами». Эта пресс-конференция передавалась в западных телевизионных передачах. Впечатление: Ежов, Берия и Сталин ожили в одном Андропове: варварская сцена фальшивых показаний несчастных жертв затмила собою все достижения чекистской техники 1937 года. Якир и Красин огласили на прессконференции письменные заявления, «как они дошли до жизни такой». Внешне – никакой принужденности, никаких следов пыток, но говорят явную неправду. В уста ученого-экономиста Красина вложили даже и марксистское объяснение его «падению». Его заставили сказать: «Может быть поставлен вопрос: как могло во мне, человеке, выросшем при советской власти, воспитанном советской школой и университетом, возникнуть чувство враждебности по отношению к советской власти? Здесь сыграло роль, что я был обижен арестом отца в 1937 году (*онреби-*

литирован) и недоволен собственным невинным арестом в 1949 году. Еще молодым человеком я попал в лагере под влияние враждебных советской власти людей (представителей армии Власова, банды Бандеры и т. д.), от которых я воспринял враждебное отношение к советскому порядку. После освобождения я жил по своей вине в духовной изоляции от нашего общества, интересовался в первую очередь передачами зарубежных радиостанций, которые часто носили антисоветский характер, заграничной контрабандной литературой, в которой обосновывалось отрицание советского порядка. Я хочу сослаться в этой связи только на общеизвестные книги, как «Новый класс» Джиласа и «Технология власти» Авторханова» («Siiddeutsche Zeitung», 8–9 сентября 1973 г.; курсив мой. – А. А.).

Так и хочется крикнуть: «Какая справедливая советская власть: сама убивает людей и сама же их реабилитирует!» Эту каннибальскую философию об убийстве отца («он реабилитирован») вложили в уста Красина сами кагебисты. Очутившись на Западе, Красин отказался от своих показаний на суде и выступления на пресс-конференции, сообщив, что они были навязаны ему кагебистами под угрозой расстрела.

В 1974 и 1975 годах по СССР пошла новая волна арестов инакомыслящих, которая продолжалась до самого конца года.

В декабре 1974 года материалы Самиздата сообщили о новом процессе: «В октябре 1974 г. в Риге состоялся суд над математиком Л. Ладыженским и инженером Ф. Коровиным. Обвиняемым инкриминировалось чтение и распространение «антисоветской литературы» (произведения Авторханова, Амальрика, Даниэля, Конквеста, Мороза, Синявского, Солженицына («Посев», № 12, 1974, стр. 11). В марте 1976 года, через год после ареста, посажен в психиатрическую больницу сын крупного партийного работника – Вячеслав Игрунов – за то, что хранил у себя в Крыму и Одессе (в доме отца) самиздатскую литературу, в том числе «Архипелаг ГУЛАг», «Всё течет...» Гроссмана, фото пленки книги Авторханова, двухтомник Мандельштама» («Хроника текущих событий», № 38, 1976).

В опустевшие на время сталинские концлагеря теперь опять гонят эшелон за эшелон интеллектуалов, единственная вина которых состоит в том, что они и всерьез поверили, что разоблачение Сталина и сталинского режима на XX и XXП съездах не театральная мистификация, а выстраданная десятками миллионов сталинских жертв великая правда. Гордость страны – Галансков, Буковский, Горбаневская, Дремлюга, Делоне, Литвинов, Чорновил, Айрикан, Любарский, Плющ, Амальрик, Мороз, Светличный, Джемилев, Марченко, Ковалев, Твердохлебов, Осипов, – имя им легион, – которые в парламентах любого правового государства на Западе достойно украшали бы скамью лидеров оппозиции, как олицетворение национальной совести, или талантливо возглавляли бы свободную печать, как бдительное око общественного контроля над правительством, – либо обрекают на медленную гибель в расцвете молодых лет, как Юрия Галанскова, либо принуждают покинуть собственную страну. Алхимики из КГБ додумались даже до того, до чего не додумался сам «корифей»: они покрывают страну сетью сумасшедших домов, в которых чекистские медики залечивают разными препаратами совершенно нормальных людей до потери ими рассудка. Сколько времени изверги в врачебных халатах терзали душу и тело нормальнейшего из всех советских людей – человека с душой поэта, совестью святого и мужеством богатыря – ген. Григоренко!

«Оттепель» так и не состоялась. Заморозки начинают сгущаться в глыбы ледникового периода сталинщины. Сталинские диад охи, чекистские башибузуки и их идеологические шаманы торжествуют сегодня «второе пришествие Сталина». Этим оправдано и второе издание «Технологии власти».

В этой книге текст первого издания идет целиком без изменения, кроме чисто технических исправлений и маленькой вставки на стр. 359–361. По просьбе издательства, автор дополнил книгу новой главой: «От Хрущева к Брежневу». В основе этой главы лежат политические

анализы, излагавшиеся автором в течение нескольких лет на научных конференциях и симпозиумах, посвященных после-сталинской «технологии власти».

1976 г.

А.Авторханов

Часть первая

Бухарин против Сталина

І. Начало конца

Еще в обеденный перерыв нам сообщили, что в шесть часов вечера состоится экстренная и весьма важная лекция. Тема лекции не была названа, и имя лектора держалось в тайне. Однако нас предупредили, что явка для всех студентов Института красной профессуры (ИКП) обязательна. Пропуск на лекцию – по партийным билетам с дополнительным предъявлением студенческих удостоверений.

Столь строгий порядок слушания лекции и инкогнито лектора вызвали всеобщий интерес. Начали гадать, судить и рядить. Некоторые обращались даже лично к ректору ИКП, Михаилу Николаевичу Покровскому, но тщетно. Само здание ИКП (до революции в нем помещался лицей имени цесаревича Николая – Москва, Остоженка, 53) начало принимать торжественный вид. Наскоро сочинялись лозунги, и их старательно выводили белой краской на красных полотнищах. Вывешивались портреты основоположников марксизма, исполненные масляными красками и одолженные, видимо, по столь торжественному поводу у других высоких учреждений. Уборщицы мыли и натирали «во внеочередном порядке» полы. Рабочие чистили двор. Библиотекарши выставляли лучшие книги. Трубочисты лазили по крышам, профессора заняли очередь у парикмахера.

Мы продолжали гадать: в связи с чем устраивается вся эта «потемкивщина». Старожилы-уборщицы рассказывают нам, что подобный переполох происходил у них в случае «высочайшего визита», но ведь Зиновьев, Бухарин, Угланов бывают здесь запросто, следовательно, приезжает не кто иной, как сам Михаил Иванович «Калиныч» – подсказывали нам уборщицы.

Однако если в глазах «простого народа» Калинин был «красным царем», то мы, «красные профессора», измеряли вождей революции по несколько иному масштабу – политическому и теоретическому. И, с точки зрения этого масштаба, нам казалось, что «Калиныч», хотя и симпатичный старичок, но как политик чужая тень, а как теоретик – круглый нуль. Впрочем, визит «президента» – тоже событие для Института. Мы готовы были снисходительно выслушать и Калинина.

Я занимал комнату в общежитии ИКП на Пироговке. Чтобы не опоздать на важную лекцию, я приехал на полчаса раньше. И неожиданно для себя застал Институт в великом трауре.

В коридорах толпились студенты и тихо, почти шепотом, разговаривали о чем-то таинственном. Профессора успели побриться, но веселее от этого не стали. Торжественная печаль переживаемого момента лишь еще резче подчеркивалась видом их свежесбранных лиц. Они говорили на темы истории древних вавилонян – «беспартийная» тема, казалось, была нарочито выбрана, чтобы уйти подальше в глубь веков от неприятной современности. Уборщицы, уже в белых халатах и красных платочках, поглядывали исподтишка то на студентов, то на профессоров, явно недоумевая, чего это люди повесили носы накануне столь великого события.

Только наш всеобщий любимец – швейцар Дедодуб – стоял на своем «революционном посту» спокойно и невозмутимо. Не без важности любил он повторять:

- Честно служил четырем царям и всех четырех пережил.
- Последним был Николай Кровавый. Сколько же вам выходит тогда лет, Дедодуб? – спросил я его однажды.
- Последним был Ленин, – увильнул он от прямого ответа.

Между прочим, когда я начинал просвещать Дедодуба, говоря, что Ленин вовсе не был царем, а был самым обыкновенным человеком, которого революция избрала своим вождем, старик ехидно улыбался, приговаривая:

– Да, Николай был человеком, Ленин был человеком, я тоже человек. А вот вы книжники, талмудисты. В книжках родились, в книжках и умрете, не послужив ни царям, ни людям, ни даже себе самим... Ох, жалкий народ этот книжный народ...

Но сегодня Дедодуб был именинником и готовился с достоинством открыть дверь перед пятым царем – Михаилом Ивановичем Калининым. Траур Института до него явно не доходил.

Между тем, Институт все больше погружался во тьму.

Порывшись некоторое время в эмигрантских газетах в парткабинете, я направился в актовЫй зал. Шептавшимся по углам я на ходу бросил:

– Скоро шесть, пойдемте на лекцию.

Но зал был наглухо закрыт. У входа караулило незнакомое мне лицо в штатском. Я вернулся к толпе и спросил:

– В чем дело? Будет лекция?

Никто не обратил внимания на вопрос. Только мой друг Сорокин подошел ко мне и едва слышным голосом процедил сквозь зубы:

– Дело плохо, очень плохо.

– А именно?

– Не знаю...

– Почему же ты думаешь, что плохо?

– Не думаю, а знаю.

– Так говори же, в чем, в конце концов, дело?

– Не знаю.

Отчаявшись узнать у Сорокина что-либо путное, я направился в учебную часть. Наша секретарша Елена Петровна, всегда веселая и предупредительная, на этот раз была тоже явно не в духе.

– Зубная боль? – спросил я.

– Хуже, – ответила она.

– Будет лекция?

– Не знаю.

– Простите, Елена Петровна, но я ничего не могу понять. Что у нас тут, «заговор глухонемых» организовался, что ли? Или мы находимся у порога всеобщего столпотворения?

– Вы попали в точку.

– То есть? – спрашиваю я.

– Значит: заговор и столпотворение. В ее тоне не было даже намека на иронию. Вошедший секретарь партийной ячейки ИКП Орлов попросил доложить Михаилу Николаевичу, что заседание бюро будет в парткабинете и что все ждут только его.

– А лекция? – спросил я Орлова.

– Будет в семь часов.

– Можно присутствовать на бюро, товарищ Орлов?

Орлов пробормотал себе под нос что-то вроде: «чего, мол, жужжишь, как назойливая муха» – и вышел.

Елена Петровна ушла докладывать Покровскому. Я же, мучимый любопытством, решил все-таки попытать счастья и направился в парткабинет.

Я догнал Орлова почти у двери парткабинета. Орлов был старшекурсником, «профессор без пяти минут», как мы в шутку величали выпускников. Он смерил меня с ног до головы, словно видел в первый раз, но не сказал ничего. Мы с самого начала невзлюбили друг друга: я его – за высокомерие, он меня – за непочтительность. Я вошел в парткабинет.

Там собралось уже много людей и все сидели молча. Я опять начал рыться в тех же самых газетах в ожидании того, что произойдет дальше. Во мне говорило уже не любопытство, а упрямство. Если Орлов скажет; уходи останусь; если же ничего не скажет – уйду сам.

Но Орлову, видно, было не до меня. Когда вошел Покровский в сопровождении секретаря Краснопресненского райкома Никитина, все ожили. Орлов попросил членов бюро занять места и объявил заседание открытым. Речь его была краткая, но очень ядовитая.

– Величайшее злодеяние, о котором мы сейчас узнали, является делом рук белогвардейской банды оппозиционеров...

Мне показалось, что при словах «белогвардейской банды» он окинул меня тем же злым взглядом, что и у входа в кабинет. А я вот как бы назло сегодня только и копаюсь в этих проклятых «белогвардейских» газетах! – промелькнула у меня мысль.

– ...мы должны эту банду выловить и уничтожить. Она имеет своих агентов и в ИКП...

Когда Орлов сказал «агентов», наши взгляды встретились, может быть, конечно, случайно.

Однако чем больше Орлов входил в азарт красноречия, тем более я убеждался, что наши взгляды встретились действительно случайно. Он как бы обращался к каждому в отдельности: «не ты ли этот самый агент?» Ко всеобщему УДОВОЛЬСТВИЮ, Михаил Николаевич прервал оратора и сказал, что прежде чем обсуждать вопрос, он считает нужным посетить актовый зал для осмотра, так как не все присутствующие в курсе дела.

Мы перешли в актовый зал на втором этаже. Вот теперь-то я понял, наконец, в чем дело.

На задней стене, за лекторской трибуной, висел написанный, кажется, известным Бродским портрет Сталина. Он был изображен во весь рост, но, увы... обезглавлен. Неуклюже вырезанная, видимо, каким-то тупым орудием голова валялась тут же, на полу. На груди Сталина, прямо над рукой, по-наполеоновски заложеной за борт знаменитой шинели, была прикреплена надпись из вырезанных газетных букв:

«Пролетариату нечего терять, кроме головы Сталина. Пролетарии всех стран, радуйтесь!»

На заседании бюро многие доказывали, что «казнь Сталина» является провокационной демонстрацией антипартийных групп в ИКП. В отношении организационных мер решили пока ограничиться тем, чтобы создать партийную комиссию для расследования дела. Секретарь райкома Никитин даже рекомендовал не принимать слишком близко к сердцу поступок, который, может быть, является просто «хулиганским актом». Во время этих слов Никитина я уже сам вонзил взгляд в Орлова. Будь Орлов физиономистом, он легко прочел бы в этом взгляде: «видишь, как ты вечно любишь погибать, никакой белогвардейщины, а просто хулиганство».

На место обезглавленного Сталина принесли откуда-то новый портрет, на котором Сталин изображен вместе с Лениным в Горках в 1922 году: копия с известного фотографического снимка. Поэтому пришлось убрать отдельный портрет Ленина. Соответственно переместили Маркса и Энгельса. Появился и портрет председателя Совнаркома А. И. Рыкова, который первоначально отсутствовал. Институт снял траур.

Тем временем начали съезжаться к нам гости: студенты Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова, аспиранты и научные сотрудники Коммунистической академии и РАНИИОН (Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук). Они тоже должны были присутствовать на предстоящей лекции. Мы не были заранее извещены, что все четыре высшие школы будут слушать эту лекцию вместе. Тем более возрастал интерес к самой лекции. Свердловцы и комакадемики были так же мало осведомлены о теме, как и мы. Многие из них спрашивали нас, кто и что должен читать.

Актовый зал уже был переполнен. Многие должны были стоять в проходе и по сторонам, опоздавших не пускали вообще. Мы с моим другом Сорокиным предусмотрительно заняли

места в первом ряду, но пришел Михаил Николаевич, который вежливо объявил, что первый ряд предназначен для гостей.

– Дискриминация прав человека и гражданина, – съязвил Сорокин и, зло посмотрев на гостей – свердловцев и комакадемиков, – встал с места.

Но когда гости толпой двинулись на первый ряд, Михаил Николаевич объяснил, что свердловцы и комакадемики – не гости, а свои, гости же скоро приедут. Тем временем мы уже успели захватить места в третьем ряду, которые были освобождены свердловцами, ринувшимися было на первые места.

– Идут, – сказал вдруг Сорокин.

Я обернулся к двери. Раздались громкие аплодисменты. К первым рядам двигалась торжественная процессия гостей. В зале кричали:

– Да здравствует ленинский ЦК! Ура соратникам и ученикам Ленина! Да здравствует Политбюро!

Крики «ура» и аплодисменты нарастали все больше и больше. Когда один из гостей крикнул:

– Да здравствует Институт красной профессуры – теоретический штаб ЦК ВКП(б)! неподдельный энтузиазм перешел в экстаз. Гости аплодировали нам, а мы аплодировали гостям.

– Да здравствует коллективный вождь, учитель и организатор ВКП(б) – ленинский ЦК! Ура, товарищи! – крикнул с трибуны Орлов.

– Ура, ура, ура-а-а! – прокричали мы в ответ. Тряся седой бородой, вышел на трибуну Покровский и занял председательское место. Раздался звонок. Гости сели, сели и мы. Водворилась могильная тишина.

Председатель тихо, но членораздельно объявил:

– Слово для доклада имеет товарищ Сталин.

Это было 28 мая 1928 года. Доклад назывался «На хлебном фронте»¹. Я впервые видел человека, о котором раньше слышал только то, что он по должности – генеральный секретарь ЦК, а по национальности – грузин. Правда, я внимательно изучал в свое время его лекции «Об основах ленинизма» 1924 года в Свердловском университете. Хотя Сталин выступал в них как простой комментатор Ленина, но мне казалось тогда, что у этого комментатора железная логика в интерпретации ленинизма и сухой реализм в собственных выводах.

Тогда никто не думал и даже не предполагал, что «Сталин – Ленин сегодня», как это подобострастно установил потом Анри Барбюс. Если бы Сталин умер тогда, то о нем теперь уже давно забыли бы даже в его собственной партии. Сталин еще не был не только Лениным, но и самим собою. С исторической точки зрения, за ним числилась только Одна явная заслуга или, если угодно, одно явное преступление: участие в октябрьском заговоре, причем – в роли намного ниже Троцкого и несколько выше какого-нибудь Шкирятова. В 1928 году Сталин был тем, кем был Муссолини накануне римского похода, а Гитлер – перед 30 января 1933 года. Правда, в кругах более посвященных его не называли иначе как «шашлычником», намекая не столько на кавказскую кухню, сколько на профессию «мясника». Но для большинства Сталина тогда не было, был все еще Джугашвили.

Мы были разочарованы тем, что беседа предполагалась на не совсем академическую тему – «На хлебном фронте». Мы ожидали чего-то вроде «китайской революции» (эта тема была тогда в большой моде), или «тактика и стратегия Коминтерна», а тут нам предлагают разжевывать «хлеб насущный», да еще и выслушивать статистические подсчеты! Увы, года через два эта лекция дошла до сознания последнего крестьянина в стране. Оказывается, мы присутство-

¹ И. Сталин. «Вопросы ленинизма».

вали при историческом событии. Сталин изложил нам впервые свой план будущей «колхозной революции» и положил этим начало конца нэпа.

Сталин, видимо, учитывал наше настроение и, прежде чем приступить к самому докладу, сделал ряд оговорок. – Вы, вероятно, ждете от меня, – сказал он, – теоретического доклада на высокие темы. Но я вас должен разочаровать... Во-первых, я не теоретик, а практик. Во-вторых, я держусь марксистского правила: «один действительно революционный шаг выше дюжины теоретических программ»... И вот тема, которая мною избрана по поручению ЦК для доклада здесь, и является практической, но революционной темой: хлеб. От того, как мы разрешим проблему хлеба, зависит не только судьба советской власти, но и мировой революции. Ведь мировая революция может питаться только советским хлебом.

Эти последние слова мне запомнились накрепко.

Сталин говорил тихо, монотонно и с большими паузами, как бы стараясь не столько подбирать слова и формулировки, сколько не сказать ничего лишнего. Он, казалось, читал вслух неписанную часть текста своего доклада. Конечно, у Сталина был грузинский акцент, что было особенно заметно в тех случаях, когда он волновался. В спокойном эпическом рассказе он умел смягчить свое произношение.

После вводного слова Сталин уже читал заранее написанный текст доклада. Он избрал свой излюбленный метод собеседования: «вопросы и ответы». Большинство из «вопросов» было тоже сочинено самим Сталиным от нашего имени, а многие из вопросов, которые были ему действительно заданы после окончания доклада, вообще не вошли в текст доклада, опубликованного в прессе.

Основной вопрос доклада был следующий: что нужно делать, чтобы советская власть получила от крестьян больше хлеба и по возможности даром? Иначе говоря: существуют ли возможности и пути превратить крестьянина, свободного труженика на частном наделе, в крестьянина-производителя на государственной земле?

В ответ на этот вопрос Сталин и огласил впервые свою программу «колхозов и совхозов». Как обычно в подобных случаях, Сталин ссылаясь на Ленина и доказывал, что единственный выход для советской власти с целью увеличения производства товарного хлеба в сельском хозяйстве – это переход к коллективным формам хозяйства, это – коллективизация крестьянства. О «ликвидации кулачества» Сталин еще не говорил, ограничиваясь ленинской формулой: «опора на бедноту, союз с середняком и борьба с кулачеством». Короче: нэп кончается. «В городе – социалистическая индустриализация, в деревне – «колхозная революция», – таков был смысл доклада.

Едва ли он сам представлял себе тогда, во что все это выльется конкретно и какие будут издержки этого сложного процесса. Но еще меньше представляли себе мы, «теоретики».

Сталин говорил уже около двух часов подряд, часто пил воду. И когда он очередной раз потянулся к графину, воды уже не оказалось. В зале раздался смех. Кто-то из президиума подал Сталину новый графин – Сталин жадно выпил почти полный стакан и, обращаясь к аудитории, лукаво посмеялся и сам – Вот видите, хорошо смеется тот, кто смеется последним. Впрочем, могу обрадовать вас, я кончил. Раздались аплодисменты.

Председатель объявил десятиминутный перерыв. Вопросы он просил задавать в письменной форме. Мы вышли из зала.

– Мы казнили лишь портрет Сталина, – так обобщил свое впечатление от доклада Сорокин, – а Сталин похоронил дух ленинизма.

Это замечание меня взбесило. Я знал Сорокина как закоренелого нигилиста, для которого все земные авторитеты – ничто, если речь идет об обосновании его собственной теории. Даже Маркса он любил поправлять и ловить на противоречиях. Про Ленина он имел обыкновение кстати и некстати повторять стандартную фразу: «Ленин тоже ошибался». Ну, куда теперь Сталину состязаться с Сорокиным!

– Гениальнейший товарищ Сорокин! Скажите, в чем вы видите похороны духа ленинизма товарищем Сталиным? – спросил я иронически-официальным тоном.

– А ты и не заметил?

– Нет.

– Да, брат, слона-то ты и не приметил. А вот скажи, в чем сущность «кооперативного плана» Ленина?

– Его изложил Сталин, – ответил я.

– Не изложил, а искажил. То есть попросту сфальсифицировал.

Ты не мудрствуй, а скажи членораздельно, в чем ты видишь сталинскую фальсификацию! – продолжал я добиваться.

– «Кооперативный план» для Ленина – не колхозы, не совхозы и не коммуны, а рабочие кооперативы в городе и крестьянская торговая кооперация в деревне при сохранении командных высот в руках пролетарского государства. «Кооперативный план» Ленина лежит в сфере обращения, а Сталин хочет перевести его в сферу производства, для чего ему и пришлось выдумать три формы кооперации: снабженческую, бытовую и производственно-колхозную. Вот эту последнюю, третью форму докладчик считает ленинской высшей формой кооперации, к которой мы должны перейти теперь. Ведь это прямое глумление, над памятью Ленина и жонглерство понятиями. Ведь Ленин даже не знал слова «колхоз», а Сталин приписывает ему теперь целый план. Ну и орел же этот твой земляк, – заключил Сорокин свою речь.

– Да, Кавказ – родина орлов, – не без гордости ответил я. – Но на Кавказе, кажется, ишаки тоже водятся, заметил мой друг.

Раздался звонок. Мы двинулись в зал. Перед Сталиным лежала кучка бумажек. Он разбил вопросы на три группы: «принципиальные», «технические» и «вопросы не по существу» (к последней категории большевики всегда относили вопросы, на которые почему-либо считали невыгодным или неудобным отвечать). Сталин сказал, что он ответит на вопросы первых двух групп, а вопросы третьей группы отводит, как не относящиеся к делу. Но собрание больше всего занимали именно эти вопросы «не по существу». Все вопросы Сталин вынужден был огласить.

Я сейчас весьма смутно помню содержание этих вопросов. Помню хорошо только то, что спор шел вокруг основной проблемы доклада: что такое колхозы и как Сталин мыслит себе их создание? В одной из записок спрашивали Сталина приблизительно так:

«Если крестьяне откажутся добровольно признать Ваш план коллективизации, то стоите ли Вы на точке зрения насильственной коллективизации?»

Сталин на это отвечал формулой Ленина:

– «Диктатура пролетариата есть неограниченная власть, основанная на насилии».

– Значит, долой нэп и назад к «военному коммунизму»? – крикнул кто-то в зале.

Сталин не ответил на реплику.

Другая записка, но уже анонимная, спрашивала:

«Ленин говорил, что мы ввели нэп всерьез и надолго и требовал «архимедленности и архиосторожности» в отношении кооперирования крестьянства, а Вы требуете форсирования темпа коллективизации. Кто из вас прав: Ленин или Вы?»

На это Сталин ответил резко и закончил свой ответ грубым выпадом:

– Ленинизм – не Библия, а диалектика. Постоянной величиной в нашей политике является собственно наша стратегия – борьба за коммунизм. Тактику мы меняли и будем менять даже радикально, когда это диктуется интересами стратегии. Если автор записки этой аксиомы не понимает, то рекомендую ему покинуть ИКП, чтобы начать свою профессорскую карьеру с азов ленинизма в совпартшколе.

Автором записки был Сорокин.

Из вопросов «не по существу» помню два: автор одного из них просил Сталина рассказать содержание предсмертного письма троцкиста Иоффе, покончившего само-убийством, а другой аноним просил разъяснить ему, «почему органам ОГПУ, вопреки указаниям Ленина, разрешено создать свою агентурную сеть и в рядах партии?» Оба эти вопроса, конечно, остались без ответа.

Беседа закончилась. Сидевшие в первом ряду приподнялись. Хозяин собрания, Михаил Николаевич, видимо, весьма довольный благополучным исходом собрания, с добродушной улыбкой ученого патриарха, тепло и запросто пожал руку Сталину. Потом обратился к собранию:

– Друзья мои, поблагодарим Иосифа Виссарионовича за интересный доклад, а наших дорогих гостей, членов Центрального Комитета, – за визит.

Сидящие в президиуме Молотов, Угланов, партийный «Фукидид» Емельян Ярославский, всегда сосредоточенный и несколько сухой, редактор правительственных «Известий» Скворцов-Степанов начали аплодировать, что было подхвачено первым рядом сталинских сторонников – Поспеловым, Адоратским, Савельевым, Стецким, Криницким, – и поддержано всеми нами в зале. В зале аплодировали из вежливости, в первых рядах – по убеждению, в президиуме – из коллегиальности. Бесподобен был Орлов: когда уже умолк весь зал, он все еще продолжал аплодировать, покраснев от натуги...

Сталинская свита ринулась к хозяину. Одни восхищались глубиной доклада, другие возмущались вопросами «не по существу». Сталин учтиво улыбался, но в прения не вступал.

Чуть в стороне стоял с Покровским Молотов и силился ему что-то доказать; тут я впервые узнал, что Молотов слегка заикается. В ответ на какую-то просьбу Михаила Николаевича Молотов обратился к Сталину с вопросом. Вопросы я не слышал, но видел, как Сталин повернулся в сторону Покровского и одобрительно кивнул головой. Ректор обратился в зал:

– Членов бюро партийной ячейки ИКП прошу ко мне!

Сорокина позвал сам Сталин. Он знал его еще по гражданской войне и по работе в Секретариате ЦК. Они поздоровались и Сталин по-отечески хлопал по плечу того, кого он еще несколько минут тому назад, сам об этом не зная, уничтожил своим убийственным ответом. Когда начали собираться тузы Института вокруг членов ЦК, Сорокин попрощался со Сталиным и отошел.

Началось представление. Задыхаясь от старческой астмы и усердствуя в характеристике «борцов парада», Покровский начал аттестацию:

Экономист Орлов! Секретарь партячейки ИКП.

Высокий, тощий, с повадками артиста и лицом пьяницы, наш местный вождь быстро подскочил к Сталину и, не дожидаясь, первый протянул ему руку. Сталин, пожал ее, хотел уже подать руку следующему, но Орлов все еще не выпускал его руки.

Философ Юдин! Секретарь партячейки философского отделения.

Это было первое знакомство Сталина с будущим его теоретиком.

– Философ Константинов! Член бюро ячейки ИКП.

– Литератор и историк Щербаков! Член бюро ячейки...

Литературная деятельность этого человека заключалась в обильном писании секретных сводок по институтским делам в ЦК, за что он дослужился впоследствии до сана члена Политбюро. Сам он на собраниях никогда не выступал.

– Историк Панкратова! Выпускница ИКП и ассистентка по кафедре русской истории.

Сталин хотел с нею разговаривать, но она, «буржуазная либералка», как мы ее называли, худая и шупленькая, совсем растаяла. Впоследствии эта «буржуазная либералка» через ряд побед и поражений, разоблачений и самобичеваний (я еще не видел никого, кто бы так талантливо бичевал самого себя, как она) добралась до сталинского ареопага: она – член ЦК КПСС.

– Философ Митин!

Невзрачный, худой, с чахоточным лицом Митин по пояс согнулся перед Сталиным, как придворный слуга перед грозным владыкой. Сейчас он тоже член ЦК.

Стэн, Карев, Мехлис поздоровались сами, как старые знакомые.

Парад кончился.

Пока мы возились у вешалки, Сталин вышел со свитой, и караван лимузинов тронулся по Садовому кольцу.

Я вспомнил о Дедодубе. С какой важностью, как стоически стоял он на своем посту!

Ну как, дед? Видел царя? – спросил его Сорокин. – Калиныча не было, я его знаю лично, – разочарованно сказал дед.

Но ведь Сталин – тоже царь, – настаивал на своем Сорокин.

Может, он и царь, но не Калиныч, – сухо ответил Дед.

II. «Теоретический штаб» ЦК ВКП(б)

Институт красной профессуры по своей учебно-исследовательской программе был первой советской аспирантурой по подготовке будущих красных профессоров – преподавателей университетов и социально-экономических высших учебных заведений. Создан он был по инициативе первого марксистского историка, члена Академии наук СССР при Сталине – Михаила Николаевича Покровского.

Покровский определился как марксистский историк еще задолго до революции. Privat-доцент Московского университета, он выступил с самого начала как представитель марксистского мировоззрения в русской исторической науке. Его основной труд – «Русская история с древнейших времен» (четыре тома) – вышел еще до революции. В этой работе Покровский радикально разошелся со всеми существующими историческими школами в оценке исторического процесса. По своей методологии он был представителем своеобразно понятого им исторического материализма (противники слева считают его материализм «экономическим материализмом»). В анализе исторических событий Покровский стал на классовую точку зрения.

После революции Покровский, заняв пост заместителя наркома просвещения (Покровский был членом партии большевиков с 1905 г.), становится и шефом научных учреждений, руководя при Наркомпросе Государственным Ученым Советом. Разумеется, он признавался одновременно и официальным главой советской исторической науки. Но сторонниками этой науки из советских специалистов в Советской России, кроме самого Покровского, были только одиночки-историки из числа членов партии. Представители старых русских исторических школ не признавали ни авторитета Покровского, ни его исторической концепции. Следовательно, поэтому пришлось упразднить на время вообще историческую науку в России (закрытие исторических факультетов в университетах, изъятие преподавания исторической науки из средних школ и замена ее другой дисциплиной, так называемым «обществоведением и т. д.).

Это поставило перед советской властью первоочередную задачу: подготовку собственных научных кадров не только в области истории, но и для других общественных наук. Этой цели должны были служить организованные – по инициативе того же Покровского – новые учреждения: Коммунистическая академия, Институт красной профессуры, РАНИИОН и коммунистические университеты.

Вкратце, но весьма ярко, свою новую историческую концепцию Покровский изложил в однотомной работе «Русская история в самом сжатом очерке», которая выдержала с 1921 по 1931 год десять изданий.

Ленин сразу оценил «переворот», произведенный Покровским в «русской исторической науке», и поздравил его в специальном письме с этим успехом. Ленин писал:

«Тов. Покровскому. Очень поздравляю Вас с успехом: чрезвычайно понравилась мне Ваша новая книга «Русская история в самом сжатом очерке». Оригинальное строение и изложение. Читается с громадным интересом. Надо будет, по-моему, перевести на европейские языки. Позволю себе одно маленькое замечание. Чтобы она была учебником (а она должна им стать), надо дополнить ее хронологическим указателем... Учащийся должен знать и Вашу книгу и указатель... Ваш Ленин»².

Впоследствии Сталин объявил эту книгу «антиленинской» и изъял из обращения.

Декрет об открытии Института красной профессуры был подписан Лениным 11 февраля 1921 года.

² Русская история в самом сжатом очерке». Партиздат, 1933, стр. XII.

Вот краткая справка из Большой Советской Энциклопедии:

«Красной Профессуры Институт (ИКП). ИКП впервые организован в 1921 г. в Москве, на основании декрета Совнаркома РСФСР от 11/II 1921, подписанного В. И. Лениным. Декретом СНК на ИКП возлагалась задача обеспечить подготовку «красной профессуры для преподавания в высших школах республики теоретической экономии, исторического материализма, развития общественных форм, новейшей истории и советского строительства»...

В первый год своего существования ИКП не имел Делений, с 1922 года были организованы отделения: экономическое, историческое и философское; с 1924 – правовое и с 1926 г. – историко-партийное отделения. Наборы 1921–1929 гг. давали в ИКП ежегодно от 75 до 140 человек, в большинстве людей с высшим образованием...

Учебная работа в ИКП протекает в форме лекций, семинаров. Курс обучения трехгодичный. По окончании ИКП слушатели сдают государственные экзамены» (БСЭ, 1-е изд., т. 34, стр. 600–601).

В числе многих причин, вызвавших к жизни наше и подобные ему учреждения, была еще и та простая причина, что старые научные кадры бойкотировали советскую власть. Многие из старых профессоров отказались служить советской власти и ушли во «внутреннюю эмиграцию». Другие открыто объявили войну советской власти, борясь в рядах Добровольческого движения, а когда война закончилась победой большевиков, ушли во внешнюю эмиграцию. Третьих большевики сами выслали из России, чтобы избавиться от будущих «заговорщиков».

Но и к оставшимся в России советская власть не питала никакого доверия: «Сколько волка не корми, он все в лес смотрит!» Я не раз слышал такую характеристику старых профессоров из уст советских вероучителей. И даже самые добросовестные из уцелевших старых профессоров, с точки зрения советской власти, не шли дальше популярной в этой среде формулы: мы аполитичны, а потому и лояльны. Простая лояльность, вполне достаточная во время гражданской войны, признавалась совершенно недостаточной после большевистской победы. К тому же, «лояльность профессора» могла научить молодежь только лояльности. Этого советская власть никак не могла допустить. «Коммунистическое воспитание молодежи» – таков был лозунг, выдвинутый еще Лениным на III съезде комсомола в 1920 году.

Отсюда большевики пришли к выводу, что нужно создать собственную, красную профессию, которая, учась у руководителей ВКП (б) марксистской теории, будет учиться одновременно у «лояльных» профессоров фактическим знаниям. Потом, достаточно подготовившись, они заменят своих «буржуазных профессоров». Тогда дело «коммунистического воспитания» будет в надежных руках.

Уже к началу 1928 года в ИКП были следующие отделения: история, философия и естествознание, экономика, история литературы и критики, мировая политика и мировая экономика, общее отделение. Впоследствии эти отделения (факультеты) были реорганизованы в самостоятельные институты красной профессуры по специальностям. Среди профессорского состава были виднейшие партийные и беспартийные ученые страны, руководители ВКП (б) и Коминтерна. Укажу некоторые имена:

Беспартийные ученые: Рожков, Платонов, Сергеев, Грацианский, Бахрушин, Тарле, Греков, Струве, Крачковский, Марр, Мещанинов, Рубин, Громан, Базаров, Л. Аксельрод, Деборин, Преображенский, Мишулин, Косминский, Тимирязев (сын) и др.

Партийные профессора: Бухарин, Покровский, Луначарский, Ярославский, Радек, Крумин, Квиринг, Е. Преображенский, Вышинский, Крыленко, Пашуканис, Берман, Варга, Миф, Бела Кун (Восточная Европа), Эрколи – Тольятти (Юго-Западная Европа), В. Коларов (Балканы), В. Пик (Центральная Европа), Куусинен (Финляндия), Страхов (Китай; русский псевдоним одного китайского коммуниста), еще несколько китайцев и японцев. Периодически с

докладами в стенах ИКП выступали, кроме названных лиц, – Сталин, Каганович, Калинин, Мануильский, Бубнов, Эйдеман и др.

ИКП предъявлял к поступающим довольно высокие академические требования. Сам прием происходил в порядке отбора лучших кандидатов на конкурсных экзаменах из состава лиц, допущенных специальным постановлением Мандатной комиссии ЦК ВКП (б). Как правило, требовалось, чтобы кандидат имел образование в объеме университета или соответствующего факультета другой высшей школы. Предварительным условием допущения к устным испытаниям было представление письменной вступительной работы, в которой кандидат должен был показать свою способность и призвание к исследовательской работе. После рассмотрения письменной работы и проведения устных экзаменов экзаменационная комиссия ИКП выносила свое заключение, кто из кандидатов и насколько удовлетворяет академическим требованиям Института.

Это заключение шло в ту же Мандатную комиссию ДК. Мандатная комиссия докладывала весь мандатный материал Оргбюро ЦК ВКП (б), которое выносило окончательное постановление о принятии кандидата в ИКП. С этих пор икапист (так назывались студенты ИКП) становился номенклатурным работником ЦК ВКП (б) и заносился в картотеку «руководящего актива». В дальнейшем всякие изменения в жизни этого «руководящего активиста» — перевод, командировка, назначение на работу, снятие, арест — могли происходить только с ведома и по постановлению ЦК «Теоретический штаб» ЦК – ИКП – дал действительно много кадров как Сталину, так и его противникам. Как и при каких обстоятельствах одни икаписты превращались в «соратников и учеников Сталина», а другие во «врагов народа» и «извергов фашизма», — я расскажу дальше. Отмечу лишь пока некоторых из тех и других.

Через ИКП прошли, стали врагами Сталина и погибли в камерах смертников НКВД или в изоляторах концлагерей – Слепков, Астров (редакторы журнала «Большевик» и сотрудники Бухарина по газете «Правда»), Айхенвальд, Марецкий, Краваль (секретарь Бухарина), Стецкий (заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), член ЦК), Стэн (член ЦКК), Карев, Бессонов, А. Кон, В. Кин (Комакадемия), К. Бутаев, К. Таболов, Самурский, Михайлов (секретари обкомов), Мадьяр, Ломинадзе, Шацкий (Коминтерн). Этот список может быть продолжен до сотни имен. Через ИКП прошли и стали близкими сотрудниками Сталина – А. Щербаков (умер на посту члена Политбюро в 1945 г.), Мехлис (член ЦК ВКП(б) и бывший министр Госконтроля), Абалин (гл. редактор журнала «Коммунист»), Федосеев (бывший главный редактор журнала «Большевик»), Александров (член ЦК и бывший шеф пропаганды), Суслов (секретарь ЦК), Поспелов (бывший главный редактор «Правды», директор Института Маркса – Энгельса – Ленина, секретарь ЦК), Ильичев (бывший главный редактор «Известий» и «Правды», кандидат ЦК), Митин (член ЦК), Юдин (член ЦК и главный редактор органа Коминформа, посол в Китае), Константинов (начальник Управления пропаганды и агитации ЦК), Сурков (один из руководителей Союза писателей). Этот список тоже мог бы быть продолжен. Уже эти имена говорят о том, что ИКП был действительно неким «теоретическим штабом», где с одинаковым усердием обе стороны (сталинцы и антисталинцы) разрабатывали, так сказать, «идеологическую стратегию» будущих внутрипартийных войн.

III. Кадры правых

В среду правых я был введен моим другом и старшекурсником ИКП Сорокиным. Мы часто собирались на квартире известной в тех кругах Королевой.

Зинаида Николаевна Королева не принадлежала к тем знаменитым «кухаркам», которых Ленин призывал «учиться управлять государством». По происхождению она была дворянкой, по воспитанию подлинной «гранд-дамой», но по своим политическим взглядам она сделалась самой крайней революционеркой еще с институтской скамьи.

В 1916 году она ушла из медицинского института на фронт в качестве сестры милосердия. Февральская революция застала ее в одном из госпиталей под Киевом. Вскоре начали создаваться солдатские революционные комитеты, и она была втянута в работу одного из местных комитетов. Будучи лишь технической секретаршей, она выполняла весьма важные функции – редактировала и сама сочиняла воззвания, приказы и требования местного комитета к солдатам, народу и правительству.

Солдаты ее полюбили за простоту характера, хотя и относились к ней с некоторым недоверием. «Сама буржуйка, а кроет буржуев на чем свет стоит, тут что-то неладное, братцы!» Когда однажды такой солдатский разговор дошел до Зинаиды Николаевны, она попросила председателя солдатского комитета созвать экстренный митинг, чтобы сообщить полезную информацию. «В России революция. Вся Россия – митинг», – писал об этом времени Артем Веселый. Так было и на фронтах. Солдаты жили митингами, разжевывая на них два лозунга дня: «война до победного конца» справа и «мир хижинам – война дворцам» слева.

Оба лозунга казались слишком крайними, и средний фронтовик внутренним инстинктом чувствовал, что недостает какого-то среднего и разумного решения вопроса войны и мира. С тем большей охотой солдатская масса прислушивалась к новым решениям и предложениям. Этим, может быть, и объяснялось, почему митинг, созванный для Зинаиды Николаевны, оказался столь многолюдным, что она сперва заколебалась, не отказаться ли ей от своей затеи выступить перед такой многочисленной аудиторией. Но друзья по солдатскому комитету ее подбодрили, а председатель комитета сказал и вводную речь, закончив ее словами, вызвавшими веселое оживление: «итак, слово имеет Революция Николаевна, бывшая Королева!» Контакт с массой был найден. Зинаида Николаевна выступила.

– Я не помню ни одного слова из того, что я тогда говорила. Это был мой первый революционный дебют, и вы – не можете представить, как ужасно я волновалась! Когда я предложила созвать митинг, я собиралась рассказать солдатам о русских «революционных буржуйках», – о Вере Фигнер, Софье Перовской, Вере Засулич, Екатерине Кусковой, «бабушке русской революции» Брешко-Брешковской, чтобы рассеять все эти предрассудки о «бабах» и «буржуйках». А что я наговорила, не помню, убейте, не помню!

Помню только, что с того памятного дня друзья стали меня величать запросто: «Революция Николаевна!»

ТАК рассказывала сама Зинаида Николаевна об этом эпизоде.

В то время, о котором я рассказываю, она работала в Народном Комиссариате по иностранным делам и пользовалась большим влиянием среди его руководителей. Отношения между нею и Сорокиным, с которым она была знакома еще по гражданской войне, были совершенно дружескими. Он так же непринужденно беседовал с ней о политике, как и на тему о «половом вопросе». Замечу тут же, что даже в последующие годы реакции, когда за каждым старым большевиком или героем гражданской войны охотилось полдюжины сталинских сексотов, отношения между старыми соратниками оставались близкими, что им потом немало повредило.

Я бывал у нее часто вместе с Сорокиным и относился к ней с тем благоговением, с каким молодой энтузиаст может относиться к героям революции.

Близко я узнал Королеву на вечере у нее, на котором приглашенных было немного – один военный с ромбами, которого присутствующие называли просто «Генералом», его дама с бледным лицом и нахальными глазами, член бюро МК Резников, которого многие пророчили в члены Политбюро, нарком Н. (он был, собственно, заместитель наркома, но приличия ради его величали «Наркомом») с женой и мы с Сорокиным. Стол был накрыт чисто по— русски: сытно и обильно, но без претензии на изысканность.

Первый тост предложил «Генерал»:

– Меня учили еще мальчиком: не задавай никогда двух вопросов – военному о тайнах его ведомства и пожилой даме о ее возрасте. Но с тех пор меня занимали именно эти два вопроса. Военного я неизменно спрашивал, чем он занят и скоро ли он займет место своего начальника, а даме задаю один и тот же вопрос – довольна ли она «нашим братом», а если нет, то сколько ей лет. Признаюсь, только у Зинаиды Николаевны я не имею успеха. Нас, мужчин, она считает бабами, а себя все еще девочкой. И я согласен с нею – лучше быть прекрасной девочкой, чем бабой с усами. За все, чем дорога нам наша Зинаида Николаевна, за мужество, молодость и дерзание выпьем эти бокалы.

Все дружно чокнулись и залпом выпили, кроме меня и дамы с нахальными глазами. Дама, видимо, косилась на «Генерала», а я на слишком уж полный стакан водки. Вечер быстро принял положенный ему оборот. Тосты чередовались за тостами, а водка глушила перекрестные речи. Если бы не сама хозяйка, которая отрезвляюще действовала на пьяных и опьяняюще на трезвых, равновесие было бы давно нарушено.

Она вовремя почувствовала нарождающуюся угрозу и, торжественно вручив каждому по бутылке нарзана, пригласила нас в гостиную послушать музыку и сама села за рояль.

– Что же вам сыграть, друзья? – обратилась она к нам, перебирая ноты.

– Похоронный марш! – невозмутимо ответил Сорокин. Слова его потонули в веселом хохоте, а «Генерал» еще приговаривал – «гениально, гениально!»

– Охотно, Ваня, только скажи, кого же мы собираемся оплакивать, спросила хозяйка не то с досадой, не то с сочувствием.

– Жалкую гибель великой революции! – ответил полутрезвый Сорокин.

Это был первый звонок к полному отрезвлению. Люди сразу стали задумчивыми. Холодный душ сорокинских слов будто смыл сорокаградусной «рыковки». Даже военный приуныл, покачивая головой.

– Это горькая истина! – читал я на его лице. Зинаида Николаевна поддалась общему настроению и, начав с «Реквиема» Моцарта, перешла к увертюре «Прометей» Бетховена.

Но дамы запротестовали. Супруга «Наркома», одна из тех, которых бессмертный Гоголь назвал «дамой приятной во всех отношениях», так и заявила: «Что же это, мы собрались отпраздновать день рождения Зинаиды Николаевны или устроить кладбищенский концерт?» При этих словах она подошла к хозяйке и властно прибавила: «А ну-ка, дорогая, не мучайте рояля и гостей, а уж лучше слушайте!»

Она заняла место за роялем. Под собственный аккомпанемент она исполнила несколько романсов Бородина и Чайковского. Сыграла она, действительно, виртуозно, и награждалась каждый раз шумными аплодисментами гостей. Мы вновь вернулись к жизни. Жена «Наркома» исполнила и несколько революционных песен. В заключение общим хором всех присутствующих было исполнено «Письмо матери». «Письмо матери» Есенина было запрещено для исполнения, но оно исполнялось чаще других советских произведений. Это были годы массового увлечения молодежи Есениным; это увлечение передавалось и «отцам». Четырехтомник Есенина (уже запрещенный) котировался на черной бирже в сто крат выше своей номинальной стоимости. Буйно-траурный пессимизм есенинской лирики явился социальным бальзамом,

успокаивавшим тяжкие боли рождения сталинской империи. Бесшабашно-залихватская, пусть даже пьяно-кабацкая, а потому смелая манера Есенина говорить лирическую правду о режиме, при котором он себя уже чувствовал «иностранцем» («в своей стране я словно иностранец», – говорил поэт), – действовала подкупающе. Помню, как я сам днем в Институте пережевывал «Капитал» («Ни при какой погоде я этой книги, конечно, не читал», – писал Есенин о нем), а вечером перечитывал Есенина.

Конечно, Есениным увлекались и непризнанные донжуаны и немало их кончило жизнь самоубийством по есенинскому рецепту – разрез вены для прощального стиха и веревка на шею, – однако знаменем Есенин стал у политических бунтарей среди молодежи. Как это бывало часто в таких случаях, по рукам этой молодежи ходили нелегальные памфлеты поэта на режим, которых, быть может, Есенин никогда и не писал, но которые были вполне в есенинском духе. Мертвый Есенин грозил стать идейным вождем крестьянской Вандеи. Тем энергичнее расправилась сталинская власть с его памятью.

Не только в поэзии, но и в драматургии, театре и музыке интеллигенция пробовала дать «реванш» большевикам. «Бег» или «Дни Турбиных» Булгакова показывали на советской сцене антисоветских героев в положительном виде. Дирижер Большого театра Голованов при единодушной поддержке всего коллектива театра небезуспешно боролся за сохранение этого величественного храма русского оперного искусства против «Пролеткульта» и партийных невежд. Если бы не авторитет и влияние Голованова, Немировича-Данченко, Станиславского, Качалова, Москвина, если бы не поддержка Горького, если бы не известная слабость к искусству тогдашнего наркома просвещения Луначарского, Большой театр, в связи с «головановщиной», был бы закрыт. Членов ЦК мало занимало искусство, хотя некоторые из них весьма увлекались артистками. Многие знали о похождениях в Ленинграде Кирова, который для удобства самочинно назначил себя почетным шефом тамошнего оперного театра (советское правительство увековечило после эту склонность Кирова, назвав ленинградский театр оперы и балета его именем). С ним в Москве успешно конкурировал Ворошилов, натываясь на этом поприще то на Луначарского, то на Буденного (его жена была неграмотной крестьянкой с Кубани, но, став маршалом, он бросил ее, детей своих отдал в приют, а сам ушел «на сцену»). Вернемся к нашему вечеру. Когда мы перешли от музыкальной части к деловой, я понял, что присутствую где угодно, но только не на обычных торжествах по случаю дня рождения. Водка исчезла, не доведя никого до накала, был сервирован крепкий чай, и хозяйка после нескольких вводных замечаний предоставила слово члену бюро МК Резникову.

Я должен сказать о нем несколько слов. Резникова я видел только второй раз, но знал его, со слов Сорокина, как выдающегося партийного работника с «независимым мнением». Во время октябрьского переворота он был уполномоченным Военно-революционного комитета при Петроградском Совете во флоте, получал непосредственно указания от Троцкого по военной и от Ленина по партийной линии. «Ленин – мозг, Троцкий – душа, а Резников – тело нашей революции» – такова была формула «Генерала», когда он говорил о движущих силах большевистской революции (идеологически «Генерал» стал «право-левацким троцкистом»). Во время гражданской войны Резников дрался с Колчаком, будучи два раза ранен и оба раза тяжело, был взят в плен, но по личному вмешательству Ленина его спасли буквально из-под расстрела, обменяв на десять колчаковских офицеров, захваченных большевиками. В его партийной биографии было только одно пятно – во время кронштадтского восстания в 1921 году Резников выступил против ультиматума Троцкого повстанцам и его угрозы уничтожить Кронштадт в случае их упорства: «Каждый выстрел по Кронштадту выстрел по революции», – доказывал Резников. Когда в ЦК решали вопрос о предварительной посылке парламентариев, чтобы склонить кронштадтцев к мирному урегулированию конфликта, Ленин вновь вспомнил о Резникове. Ему сообщили, что Резников сидит в Чека как «моральный соучастник» мятежников.

– Ну знаете, товарищи, если такие люди, как Резников, числятся в контрреволюционерах, тогда мы все – контрреволюционеры! – сказал Ленин.

Так, второй раз прямо из-под расстрела, Резников был спасен Лениным. С того дня, затаив глухую злобу и на Троцкого и на Чека, Резников поклялся в верности Ленину. Поэтому понятно, что во время борьбы против Троцкого и его оппозиции Резников был в первых рядах антитроцкистов. Просталинский ЦК не замедлил ответить благодарностью, и Резникова ввели в состав московского партийного руководства.

Итак, мы были готовы выслушать Резникова.

– Зинаида Николаевна просила меня, – начал он, – поделиться с друзьями информацией о внутрипартийном положении, в частности, о положении нашей московской организации. Я охотно согласился, тем более, что партийная печать лишена возможности информировать собственную партию.

После такого вводного слова Резников достал из портфеля записную книжку и, перелистывая ее, сделал почти часовую информацию о закулисных событиях в Московском и Центральном Комитетах. То, что рассказывал Резников, было для меня совершенно ново.

Оказывается, уже с самого начала 1928 года (то есть сейчас же после ликвидации «левых») как в Политбюро, так и в руководстве Московским комитетом происходила глухая, но весьма упорная борьба почти по всем основным вопросам внутренней и внешней политики партии. Спор начался, собственно, из-за Троцкого, уже находившегося в ссылке в Алма-Ате³. Троцкий продолжал и в ссылке беспокоить ЦК своими статьями и прокламациями, проникавшими внутрь страны⁴.

Перепечатанные в Москве, на ротаторе, материалы Троцкого широко распространялись не только между членами партии, но и среди беспартийной интеллигенции. Я сам одну из таких статей Троцкого получил в Коммунистической академии, где существовала нелегальная ячейка троцкистов. Замечу тут же, что эта статья Троцкого сохранялась у меня почти десять лет. Только в 1937 году, фильтруя свой архив от антисталинской литературы на случай возможного обыска и ареста, я натолкнулся и на нее, прочел внимательно еще раз, мысленно поклонился Троцкому за его пророчество об «эпигонах» и «термидорианцах» и сжег.

Ввиду такой непрекращающейся «контрреволюции» Троцкого, Сталин поставил перед Политбюро вопрос о суде над Троцким. Все понимали, что на этот раз Сталин добивается физического уничтожения своего противника. Из членов Политбюро Сталина поддержали только Молотов и Ворошилов. Рыков, Бухарин и Калинин выступили против суда над Троцким. Наконец было достигнуто компромиссное решение: выслать Троцкого за границу.

Сталин долго не шел на этот компромисс, пока его не заверил начальник ОГПУ Менжинский, что будет ли Троцкий находиться в Алма-Ате, на Лубянке или на Мадагаскаре, для его ведомства это не играет роли – «везде Троцкий будет находиться у нас» – успокоил Менжинский Сталина. Как известно, он не ошибся.

Второй спор происходил вокруг так называемого «Шахтинского дела». В конце 1927 года полномочный представитель ОГПУ по Северному Кавказу Ефим Георгиевич Евдокимов представил председателю коллегии ОГПУ Менжинскому весьма детально разработанное агентурное дело, из которого явствовало, что в г. Шахты на Сев. Кавказе существует нелегальная контрреволюционная вредительская организация, состоящая из группы старых специалистов.

³ Находясь в пути из Алма-Аты в Константинополь, Троцкий по советским газетам явно видел, что его высылка не так легко далась Сталину: «Газеты в пути приносят нам отголоски новой большой кампании против троцкистов. Между строк сквозит борьба на верхах вокруг вопросу о моей высылке. Сталинская фракция спешит. У нее для этого достаточно оснований. Ей приходится преодолевать не только политические, но и физические трудности» (Л. Троцкий, «Моя жизнь», ч. II, стр. 316. Троцкого я везде цитирую по русскому изданию «Гранит», Берлин, 1930)

⁴ За апрель – октябрь 1928 г. нами послано было из Алма-Аты 800 политических писем, в том числе ряд крупных работ. Отправлено было около 550 телеграмм. Получено около 1000 политических писем и около 700 телеграмм, в большинстве коллективных» (там же стр. 305).

По данным этого дела выходило, что эта группа, будучи связанной со старыми хозяевами шахт за границей, ставит своей целью вывод шахт из строя путем систематического вредительства. Лубянка отнеслась к докладу очень скептически. Ввиду важности дела и к тому же хорошо зная повадку своих сотрудников строить карьеру на мифических делах, Менжинский предложил Евдокимову представить ему вещественные доказательства. Тогда Евдокимов поехал сам к Менжинскому, захватив с собой «доказательства», в числе которых он привез перехваченные его учреждением частные письма на имя некоторых из обвиняемых специалистов из-за границы. Менжинский не нашел в них никаких «вредительских установок», как утверждал Евдокимов. Последний стал настаивать на том, что эти письма зашифрованы.

– Хорошо, так вы их расшифровали? – спросил Менжинский.

– Нет, – ответил Евдокимов.

– Почему же?

– Ключи к шифру находятся в руках фигурантов.

– Значит?

– Значит, мы просим санкции коллегии на арест нескольких из руководителей шахт, – доложил Евдокимов.

– Даю вам двухнедельный срок: либо вы расшифруете эти письма без предварительных арестов, либо я вас вместе с вашими агентами буду судить за саботаж! – при этих словах Менжинский прямо по-чекистски выставил Евдокимова из своего кабинета. Теперь Евдокимову стало ясно, что если он не докажет контрреволюции шахтинцев, его чекистской карьере придет конец. И он решил испробовать последний шанс: обратиться к самому Сталину.

Евдокимов доложил ему суть дела и, конечно, разговор с Менжинским. Но так как Сталин не занимал тогда официального поста в правительстве, то Евдокимов просил Сталина воздействовать на Менжинского через Рыкова. Рыков был тогда председателем правительства.

– Чепуха, – ответил Сталин, – выезжайте к себе и немедленно примите все меры, какие вам покажутся необходимыми. В дальнейшем информируйте только меня, а с Менжинским мы как-нибудь сами договоримся (Сталин был и членом коллегии ОГПУ от ЦК).

Имея такую карт-бланш в кармане, Евдокимов умчался в Ростов (краевой центр). На второй день в Шахтах были произведены массовые аресты среди виднейших специалистов, потом аресты распространились и на Донбасс, но дело вело Северо-Кавказское ПП ОГПУ.

В Москве это вызвало целый переполох – ВСНХ, ОГПУ и сам Совнарком потребовали от Северо-Кавказского ОГПУ немедленного объяснения. Евдокимов молчал. Когда же Рыков, Менжинский и Куйбышев (Куйбышев был председателем ВСНХ) предложили послать на Северный Кавказ специальную комиссию ЦК и Совнаркома, то Сталин наложил «вето». Игра разгоралась. Вопрос был перенесен на заседание Политбюро. На этом заседании Менжинский и Куйбышев присоединились к Рыкову, обвинявшему Сталина в «самоуправстве», но Сталин доложил заседанию телеграмму Евдокимова, который не только уверял в наличии контрреволюции в г. Шахты, но и намекал на то, что нити ее идут в Москву. Куйбышев быстро ретировался, Менжинский замолчал, а Рыков только вопросительно поглядывал то на Бухарина, то на Томского. Никакого решения не приняли, но победа Сталина была несомненна.

Теперь Сталин отвечал и за самое «Шахтинское дело», по крайней мере, морально. Он это знал и поэтому с самого начала взял его под свое непосредственное наблюдение. Сталин и Евдокимов были теперь связаны круговой порукой. Руководство над ведением следствия Евдокимов возложил персонально на своего помощника Курского. Перед Курским была поставлена задача – любой ценой добиться «чистосердечного признания» обвиняемых и придать делу общегосударственный характер. Здесь мы впервые присутствуем при рождении пресловутых «методов» ГПУ. Прежде чем приступить к следствию по существу, штаб Курского (помощником Курского по этому штабу был другой «талант» в чекистском мире – Федотов) разработал общую механику ведения следствия. Она и предусматривала применение «методов» в извест-

ных теперь всем формам, которые в основном сводятся к пыткам, – это прежде всего физические пытки: разнообразие формы мучения и избиения, доводящие человека до полусмерти и даже до смерти, продолжительное лишение сна (средняя норма: от трех до десяти суток); химические пытки: введение в пищу или непосредственно в организм путем впрыскиваний волеослабляющих веществ или таблеток, порошков, капель; механические пытки: непрерывное чтение вслух чередующимися следователями будущих показаний подследственного, а потом их непрерывное повторение им самим, пока они таким образом не будут механически занесены на пластинку его подсознания. К этому присоединяются пытки политические: угрозы или репрессии родственников, друзей допрашиваемого, оплевывание его политических идеалов (если бы они были даже чисто советскими или сталинскими), пытки психологические: создание и укрепление у жертвы чувства собственного ничтожества, бессмысленности жизни и ее обреченности, доведение ее до жажды самобичевания, когда в этом самобичевании, раскаянии или в рассказах о мнимо содеянных, механически уже закрепленных в сознании или подсознании преступлениях ощущается потребность саморазрядки, исповеди и даже «самоочищения».

Эта процедура из процесса механического в первой стадии следствия превращается в ее последней стадии уже в процесс «творческий» подследственный присовокупляет Детали и штрихи к своим старым, вынужденным и механическим показаниям на этот раз совершенно независимо от следствия и, конечно, от своей воли. С той же готовностью он отвечает на поставленные вопросы, редко попадая впросак. Он уже сам верит в свою или чекистскую легенду, а когда увидит, что ему верят следователь, суд, стороны, слушатели – он впервые за все время своего сидения чувствует себя каким-то ценным винтиком общего механизма, более того «героем дня». Физически доведенный до крайнего истощения, он витает в небесах, а психический алкоголь-наркоз уже довел его до самозабвения. Его тело находится еще здесь, среди людей, но духовно он уже не живет среди них. Он свободен от самого себя, а потому готов на все – на словесное самобичевание и на физическую смерть.

Таковы были «методы Курского», которые легли в последующем в основу следственной техники «ежовщины». Методы Курского вполне оправдали себя. Подсудимые рассказывали вещи о чудовищных преступлениях, которые тогда почти всеми принимались на веру. Настоящую цену «чистосердечных показаний» подсудимых знал в Москве только один человек – Сталин, и только одно учреждение в провинции – штаб Евдокимова, Курского, Федотова в Ростове-на-Дону.

Зато триумф Сталина был полным: ни советское правительство, ни его председатель Рыков, ни «гнилой» теоретик Бухарин, ни даже сам верховный шеф ОГПУ Менжинский не разгадали контрреволюции шахтинцев, а Сталин «гениальным чутьем» профессионального революционера раскрыл «заговор буржуазных специалистов». С Менжинским Сталин «как-нибудь договорился», но членам Политбюро, как школьникам, поставил на вид: вы саботировали, а я вас спасал, будете и дальше упорствовать, я и без вас обойдусь! ЦК в закрытом письме к партийной организации воздал должное «бдительности» Сталина, дипломатически обходя саботаж «правительства» в раскрытии «Шахтинского дела». Когда же Сталин подготовил новое дело, – «дело Промпартии» проф. Рамзина «саботажникам» оставалось только поддакивать.

Однако победа Сталина имела для него меньше всего «моральное значение», хотя она и дискредитировала его будущих противников из «правой оппозиции». Еще меньшее значение имела ликвидация доселе никому неизвестных, шахтинцев или малоизвестных в широких кругах рамзинцев. Победа заключалась в том, что Сталин нашел волшебный ключ к публичному уничтожению даже мнимых врагов режима – лабораторию Евдокимова с методами Курского. И Сталин щедро отблагодарил: Евдокимов получил подряд два ордена Красного Знамени (за шахтинцев и за рамзинцев) к своим уже наличным трем, был назначен первым секретарем Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) (редкий случай в тогдашней партийной практике), – был

введен в состав пленума ЦК ВКП(б), будучи совершенно неизвестным в партии, а все чекисты штаба Курского были награждены орденами Красного Знамени и знаками «почетных чекистов». Забегая несколько вперед, скажу, что когда Сталин приступил к подготовке ежовщины во всей стране, он вспомнил о Курском: все еще провинциальный среднего ранга чекист Курский был назначен в 1936 году заместителем наркома внутренних дел СССР! Через некоторое время в газетах появился краткий некролог – «внезапно умер верный сын партии т. Курский». Устная версия из официальных кругов гласила, что он покончил самоубийством на нервной почве. Конечно, было от чего терять голову, – теперь предстояло оформление и уничтожение не какого-нибудь жалкого десятка шахтинцев, а около пяти миллионов «врагов народа», из которых больше миллиона принадлежало раньше к коммунистической партии.

Эти и им подобные «организационные разногласия» между членами Политбюро, как говорил Резников, постепенно выросли в разногласия политические. Рыков, Бухарин, Томский увидели в тактике Сталина желание руководить страной и государством через аппарат ОГПУ и партии, минуя Советское правительство и профессиональные союзы.

На этой почве в Политбюро образовались две группы – группа Бухарина и группа Сталина. Первоначально к группе Бухарина, кроме Рыкова и Томского, примыкали Куйбышев, Калинин, Рудзутак и Орджоникидзе. К группе Сталина принадлежали Молотов, Ворошилов, Киров, Каганович и Андреев. Позицию Косиора, Чубаря и Микояна Резников назвал «буферной»: они либо мирили обе партии, либо воздерживались при решающих голосованиях. Сталин отказывался до поры до времени от открытых атак против группы Бухарина, а сосредоточил все силы на ее внутреннем разложении, весьма ловко натравливая одних ее членов на других.

Я хорошо запомнил рассказ Резникова об этой внутри-политбюровской политике – «разделяй и властвуй» – относительно двух случаев.

В первом случае эта политика была применена к Томскому – Куйбышеву. Дело в том, что кроме «организационных разногласий» в Политбюро, между разными ведомствами тоже происходили постоянные трения, иногда по самым незначительным вопросам. Когда дело касалось важных персон (наркомов, членов ЦК), было принято еще при Ленине передавать такие споры высшему арбитражу на решение Политбюро. Когда Политбюро принимало то или иное решение, спорящие стороны должны были подчиниться. После смерти Ленина Сталин эту практику лишь расширил, чтобы играть удобную и выгодную роль постоянного арбитра в качестве генерального секретаря партии, хотя Сталин и не был председателем Политбюро (Ленин был постоянным председателем Политбюро, после его смерти в Политбюро председательствовали все члены поочередно, после ликвидации правых постоянное председательствование перешло к Сталину, а в Оргбюро – к Молотову). Одно из таких постоянных разногласий происходило между ВСНХ (председатель Куйбышев) и ВЦСПС (председатель Томский), как между работодателем (ВСНХ) и рабочими (ВЦСПС). Профессиональные союзы все еще питали иллюзию, что они призваны защищать интересы рабочих, пусть даже и перед советской властью. Но государственно-сталинские интересы требовали как раз того, за что был осужден Троцкий полного подчинения профсоюзов интересам государства, то есть «огосударствления» их. Вещи своими именами, однако, не назывались. В будущей пятилетке, которую разрабатывал Куйбышев, профессиональным союзам, естественно, отводилась лишь роль технических органов государственного управления при сохранении внешней независимости от государства. Все текущие мероприятия – «режим экономии», «рационализация», «изобретательство», «колдоговор» – рассматривались и проводились с той же государственной точки зрения. В связи с этим Томский обвинил Куйбышева в «советской зубатовщине» по прямой подсказке Сталина. Куйбышеву Сталин подсказал формулу и по адресу Томского – «гнилой тред-юнионист»! Несомненная оплошность Сталина и его помощников по изданию «Сочинений» Сталина дает возможность подтвердить сказанное документально. Речь идет о сталинском письме Куйбы-

шеву от 31 августа 1928 года, впервые опубликованном теперь. В этом письме Сталин пишет о члене Политбюро Томском другому члену Политбюро Куйбышеву следующее:

«Слышал, что Томский собирается обидеть тебя. Злой он человек и не всегда чистоплотный. Мне кажется, что он не прав. Читал твой доклад о рационализации. Доя лад подходящий. Чего еще требует от тебя Томский?»⁵

Имея письмо Сталина в кармане, Куйбышев смело выступает против Томского. Сталин молчал, но Куйбышев очутился вне группы Бухарина.

Второй случай относится к Рыкову и Бухарину. Известный разговор Бухарина с опальным Каменевым летом 1928 года Сталин истолковал как конспирацию против Советского правительства (Рыков) и ЦК ВКП(б) (Сталин). Соответствующие агентурные данные якобы подтверждали это. Делу был нарочито придан характер бунта Бухарина против Рыкова, за что Сталин и его группа и набросились на Бухарина. «Рыков не просто член Политбюро, но он и глава советского правительства. Поэтому мы не можем позволить даже друзьям Рыкова конспирировать против него», – рассуждал Сталин. Рыков не попался на эту удочку. Оставалось искать другие варианты.

Органы печати, которые не находились под прямым руководством Бухарина и Рыкова, получили задание начать «по собственной инициативе» критику теоретических трудов Бухарина. Были сделаны попытки разыграть эту атаку по линии журнала «Большевик», но там сидели ученики Бухарина: Астров и Слепков. Они сообщили Бухарину о нажиме на них личного секретаря Сталина Поскребышева с целью напечатания критических статей о трудах Бухарина «Экономика переходного периода» и «Теория исторического материализма» (соответствующие статьи лежали уже в портфеле редакции). Возмущенный Бухарин снял копии со статей и помчался прямо к Сталину. Последний совершенно хладнокровно ответил, что он и понятия не имеет об этих статьях, ни о распоряжении Поскребышева. Тут же вызванный звонком Сталина Поскребышев тоже преспокойно заявил, что эту историю со статьями слышит впервые.

– Если кто-либо из наших сотрудников и позвонил редакции от моего имени, я в этом не вижу преступления, – сказал Поскребышев.

– Не забывайте, что я не ваш сотрудник, а член Политбюро ЦК! – вспыхнул Бухарин.

Поскребышев промолчал, а Сталин попросил Бухарина оставить у него статьи для ознакомления (Сталин, конечно, не только читал их в оригинале, но они были и написаны По его личному заданию).

Через некоторое время Астров и Слепков получили из Оргбюро ЦК «строгий выговор» с предупреждением за попытки дискредитации авторитета ЦК. Правда, статьи против Бухарина не были еще пока напечатаны, но зато бухаринцы получили серьезный удар.

Более удачным оказался опыт с «Комсомольской правдой». Тут Сталин поступил просто – вызвал секретаря ЦК ВЛКСМ Чаплина к себе и прямо приказал: «Вот эту статью поручи напечатать своему редактору (редактором, кажется, был Костров), не ссылаясь ни на меня ни на ЦК. Если выйдет скандал, будет отвечать лично редактор, но он тоже не должен называть твоего имени». Чаплин точно понял смысл задания. Через день в «Комсомольской правде» появилась громовая статья о теоретических грехах «правого оппортунизма», которые ставились в завуалированной форме в связи с концепцией члена Полит бюро Бухарина. Для партии она явилась полной сенсацией – так же, как и для самого Бухарина. Бухарин вновь обратился к Сталину. Последний сделал удивленные глаза и немедленно потребовал подать ему номера

⁵ И. Сталин. Сочинения, т. 11, стр. 220.

«Комсомольской правды» (вопреки обыкновению, в этот день на столе Сталина не лежала кипа газет).

– Да, действительно! Это возмутительно! Ну как же вы советуете, Николай Иванович, поступить теперь? – спросил Сталин почти дружественным тоном.

Бухарин потребовал обсуждения вопроса на Политбюро.

– Я тоже так думаю, – ответил Сталин.

На очередном заседании Политбюро ответственный редактор газеты «Комсомольская правда» получил строгий выговор за печатание троцкистской статьи «без разрешения ЦК». Но давать опровержение ЦК признал «тактически невыгодным».

Более суровую и для себя совершенно неожиданную борьбу Сталину пришлось выдержать в московской организации. Агентурные сведения ГПУ и разведка самого ЦК единодушно свидетельствовали, что именно в Московской организации Бухарин, Рыков и Томский обладают сильнейшим влиянием. Старания агентов Сталина завербовать секретарей районов Москвы или даже членов бюро Московского комитета против группы Бухарина не увенчались ни малейшим успехом. Задним числом, в конце 1938 года когда бухаринцы были уже ликвидированы и физически Сталин писал в своем «Кратком курсе»⁶:

«Одновременно со своими политическими выступлениями группа Бухарина Рыкова вела организационную «работу» по собиранию своих сторонников. Через Бухарина сколачивала она буржуазную молодежь вроде Слепкова, Марецкого, Айхенвальда, Гольденберга и других (заметим, что из этой буржуазной молодежи состояла главная редакция теоретического и политического органа ЦК ВКП(б) – журнала «Большевик».-А. А.), через Томского обюрократившуюся профсоюзную верхушку (Мельничанский, Догадов и др.), через Рыкова – разложившуюся советскую верхушку (А. Смирнов, Эйсмонт, В. Шмидт и др.)...

К этому времени группа Бухарина-Рыкова получила поддержку верхушки московской партийной организации (Угланов, Котов, Уханов, Рютин, Ягода, Полонский и др.). При этом часть правых оставалась замаскированной, не выступая открыто против линии партии».

Не будучи в курсе дела (или, может быть, наоборот, из-за осведомленности), руководство районов Москвы и Московского комитета начало поход против «левых», которые стараются дискредитировать ленинский ЦК под маркой критики «бухаринских ошибок». Упомянутое решение ЦК служило при этом установкой «генеральной линии»! Это, кажется, единственный случай, когда Сталин сделал крупную ошибку, но он быстро ее понял и бросил знаменитый лозунг: «за критику и самокритику, невзирая на лица» и исподтишка готовил внеочередные выборы московских райкомов.

Несколько забегаю вперед, замечу, что уже на октябрьском пленуме МК 1928 года Сталин решил нанести открытый удар «правым» в самом МК, что означало и удар по «правым» в ЦК. Но это оказалось не такой легкой задачей. Ряд членов пленума открыто обвинил Сталина, что «под маской борьбы против какого-то мифического правого уклона» Сталин и его друзья занимаются искусственным разведением «интриг и склок» (Запольский), ЦК грубо вмешивается в дела местных партийных организаций, нарушая устав партии (Березин). Рютин прямо обвинил Сталина, что «правый уклон – его личная выдумка, чтобы расправиться с неугодными ему членами Политбюро».

Тогда члены пленума поставили перед Сталиным вопрос:

– Скажите, есть ли в Политбюро правые?

– В Политбюро нет ни правых, ни левых, – ответил Сталин.

⁶ «История ВКП(б). Краткий курс», 1945, стр. 281.

Когда не удовлетворенные ответом Сталина члены пленума стали требовать оглашения протокола Политбюро, на котором обсуждалось июльское письмо Фрумкина против линии ЦК, Сталин огласил резолюцию Политбюро ЦК о «единстве в Политбюро», подписанную «всеми членами Политбюро»⁷. На вопрос: «Кто же из членов Политбюро присутствовал тогда?» – Сталин ответил по-соломоновски: «Все, кто был налицо!».

Резников рассказывал, что как раз с этого заседания Политбюро Бухарин, Рыков, Томский и сам секретарь Московского обкома Угланов демонстративно ушли в связи с обсуждением письма Фрумкина. История и суть этого письма заключается в следующем.

Автор письма Моисей Фрумкин принадлежал к ленинской гвардии большевиков, активно участвовал в нелегальной работе в царской России, много раз подвергался арестам и ссылкам, принимал видное участие в большевистском перевороте 1917 года. После победы большевиков занимал ряд ответственных должностей, а к описываемому периоду был замнаркомфина СССР. Его должность давала возможность близко изучить положение дел в сельском хозяйстве и промышленности.

На основании тщательного анализа состояния сельского хозяйства, подкрепленного официальными данными своего ведомства, Фрумкин обратился в июле 1928 года со специальным письмом сначала в Политбюро, а потом ко всем членам ЦК. Основные тезисы письма Фрумкина гласили⁸:

1. Сельское хозяйство страны переживает процесс деградации.
2. Деревня, за исключением небольшой части бедноты против нас.
3. «Политика экстраординарных мер» (то есть политика насильственного изъятия хлеба у крестьянства), которая проводится руководством ЦК, может кончиться гибелью советской власти.

Поэтому Фрумкин требовал радикального поворота ЦК в сторону либеральной аграрной политики. В отсутствие этой либеральной политики, в возврате к методам «военного коммунизма», в открытом грабеже среднего крестьянства под видом борьбы с «кулачеством», в искусственном натравливании одних крестьян против других под видом «развертывания классовой борьбы» и, наконец, в изобретении Сталиным во время его командировки в Сибирь на хлебозаготовительную кампанию новейшего метода полицейского принуждения крестьян отдавать хлеб даром государству – так называемого «сибирско-уральского метода» – вот где причина нашего хлебного кризиса, писал Фрумкин. – Мы требуем расширения посевной площади – крестьяне расширяют ее, а тогда мы их записываем в кулаки! Мы требуем расширения товарооборота люди открывают мелкие ларьки, а мы их записываем в спекулянты! Мы требуем поднятия промышленности и люди открывают сапожные мастерские, а мы их записываем в нэпманы! Мы требуем советской демократии, люди указывают нам на нашу антидемократичность, а мы их сажаем в ГПУ, – доказывал Фрумкин.

Поскольку Фрумкин раздал свое письмо членам пленума ЦК, Сталин хотел предупредить реакцию пленума особым решением Политбюро. В проекте решения предусматривалось «решительное осуждение право-оппортунистического антипартийного выступления» Фрумкина с соответствующими организационными выводами, то есть снятием Фрумкина с поста замнаркомфина СССР.

Группа Бухарина отказалась санкционировать такое решение. Когда же Бухарин, Рыков и Томский увидели, что для своего решения Сталин обеспечил большинство в Политбюро, то они просто ушли с заседания. Сталин определил этот уход как «примиренчество» к правому уклону, но Фрумкин был осужден за этот уклон, хотя временно с работы и не снят. Таким образом, вслед за его письмом члены ЦК получили «единогласно принятую резолюцию Полит-

⁷ И. Сталин. «Вопросы ленинизма». Москва, Огиз, стр. 203–213.

⁸ И. Сталин. «Вопросы ленинизма». Изд. XI, стр. 271.

бюро по поводу письма т. Фрумкина». Факт выступления трех членов Политбюро против этого решения и их демонстративный уход с заседания был скрыт не только от партии, но и от членов ЦК. А будучи связанными партийной и коллегиальной дисциплиной внутри Политбюро, эти трое не могли довести свои взгляды до сведения партии и членов ЦК. Пользуясь этим, Сталин весьма ловко разыграл карту «единства в Политбюро», а люди, ориентировавшиеся во внутренней политике на Рыкова, Бухарина и Томского, были глубоко разочарованы их «единодушием» со Сталиным.

IV. Сибирский план Сталина

Практический план колхозного строя родился, собственно говоря, не в Политбюро и даже не в Москве, а в Сибири. Правда, уже XV съезд партии постановил держать курс на развитие коллективов⁹, но это решение все еще оставалось на бумаге, пока за дело не взялся сам Сталин. Когда осенью 1927 года, вопреки Бухарину, Рыкову, Томскому и Угланову и, кажется, Калинин, Политбюро постановило применять на хлебозаготовках чрезвычайные меры («экстраординарные меры»), руководители ЦК и правительства были командированы в качестве «чрезвычайных уполномоченных» в основные зерновые районы страны – на Украину, ЦЧО, Северный Кавказ и Сибирь. Обычно такие уполномоченные имели право единолично решать любой вопрос на местах от имени ЦК и Совнаркома. В их распоряжении находился целый штаб сотрудников, от чекистов, специалистов, пропагандистов и до машинисток включительно, который комплектовался в Москве каждым из «чрезвычайных уполномоченных».

В качестве такого уполномоченного в начале 1928 года в Сибирь был командирован Сталин, а в числе его штабных «специалистов» находились сибиряки Маленков и Сорокин. Полномочия Сталина распространялись и на Урал, но на Урал Сталин не собирался ехать, ограничившись вызовом тамошних руководителей в свою будущую сибирскую ставку – в Новосибирск.

Сибирский и уральский актив был предупрежден правительственной телеграммой о предстоящем прибытии Сталина с чрезвычайными полномочиями. Пока Сталин мчался в бронированном вагоне сибирского экспресса, в Сибири царил переполох, граничащий с паникой гоголевских героев из «Ревизора».

⁹ Соответствующее место резолюции XV съезда партии гласило «В настоящий период задача объединения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы должна быть поставлена в качестве основной задачи партии в деревне» («ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ЧIII, стр. 251. В. Молотов. «О работе в деревне, XV съезд ВКП(б)»).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.